

ПРОСТО О СЛОЖНОМ



СОРОКИН

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК1(47)(092)
ББК 87.3(2)6-8
М42

Подписано в печать 21.02.06. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 5 000 экз. Заказ № 6335

Медведько, Ю.

Питирим Сорокин за 90 минут / Ю. Медведько. — М.: АСТ;
М42 СПб.: Сова, 2006. — 93, [3] с.

ISBN5-17-036448-2

В книге «Сорокин за 90 минут» рассказывается о научном наследии и удивительной судьбе крупнейшего российско-американского социолога и общественного деятеля прошлого столетия Питирима Александровича Сорокина, основоположника теории социальной стратификации и социальной мобильности.

УДК 1(47)(092)

ББК 87.3(2)6-8

©Ю.Медведько, 2006

© ООО «Издательство «Сова». 2006

www.infanata.org

ВВЕДЕНИЕ

Самый модный из современных теоретиков «мировой системы» американский социолог И. Уоллерстейн, выступая в 1996 году в Российской Академии наук в Петербурге, заносчиво заявил, что в России социологической науки никогда не было. Однако в дальнейшем, не замечая анекдотичности ситуации, упомянул, что его первая научная статья была посвящена социологии Питирима Сорокина. Видимо, Уоллерстейн не знал, что Сорокин, профессор Гарвардского университета, президент Американской социологической ассоциации, труды которого он изучал и анализировал, всегда считал себя воспитанником и продолжателем русской социологической традиции, к которой он приобщился, будучи студентом Императорского Санкт-Петербургского университета.

«Ыджыд морт» — так называли Питирима Сорокина его земляки зыряне, чьего рода и племени и был этот «Большой человек», поднявшийся с низшей «ступени» русского общества до вершин ученого мирового уровня.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЕЕ ДЕТСТВО

О своих корнях Питирим Сорокин говорил и писал очень мало. Скорее всего, виной тому были весьма неглубокие знания по этой части. С самого рождения его ожидала судьба бродяги — «перекати поле», начавшего свое путешествие на лесных тропах Севера России и закончившего на хайвэях Соединенных Штатов Америки. Поэтому в разных источниках данные и о дате, и о месте рождения Питирима Сорокина расходятся. Так, дату своего рождения сам Сорокин считал и везде указывал как 21 января 1969 года (по старому стилю), хотя в записи турьинской Воскресенской церкви значится 23 января. Эту путаницу внес, судя по всему, отец Питирима — Александр Прокопьевич Сорокин, который посчитал, что раз сына нарекли в честь одного из трех усть-вымских святых епископа Питирима, день поминаения

которого отмечали как раз 20 января, то значит и мальчик родился примерно в это время.

Об Александре Прокопьевиче Сорокине известно, что происходил он из сословия русских мещан. Родился и вырос он в Великом Устюге. В то время этот древний город играл важную культурную, религиозную и политическую роль в истории северо-восточной Руси. И, кроме того, был центром многих искусств и ремесел. Не удивительно, что родители определили Александра в ремесленно-художественное училище. Цех, в котором обучался молодой человек, находился под опекой Стефано-Прокопьевского братства. Поэтому, когда Александр закончил обучение и получил диплом (а к нему и нагрудный знак, где на голубом фоне золотыми буквами удостоверялось, что «Александр Прокопьевич Сорокин — золотых, серебряных и чеканных дел мастер»), молодой специалист был откомандирован братьями в Коми край для распространения христианства и усиления влияния церкви на народы Севера.

Вот как сам Питирим Сорокин описывает край, в котором ему суждено было появиться на свет:

«Эта местность в основном состояла из первозданных лесов, тянувшихся на сотни верст во всех направлениях. В то время они еще не были испоганены „цивилизацией“. Подобно маленьким островкам в море, затерялись в этих лесных массивах села и деревушки коми народа. Две великие реки — Вычегда и Печора — со своими притоками несли через страну прозрачные, как хрусталь, воды. Их бурное течение омывало красивые песчаные пляжи, крутые холмы, благоухающие пойменные луга, деревья и кусты, растущие вдоль берегов...

На земле, покрытой белым красивым мхом — ягелем, стояли тысячи высоких и стройных сосен, подпирая небо, то тихие и загадочные, слоено-забывшиеся в молитве, то шумящие и раскачивающиеся, как бы сражающиеся с яростной вражьей силой. Многие и многие часы я провел в этих соборах живой, природы, очарованный их величием, таинственностью и Богом данной красотой».

Вот в этой земле обетованной, среди первозданной чистоты, и повстречал молодой мастерской Александр свою суженую — Пелагею. Она покорила его своей необыкновен-

ной красотой и кротостью характера. Молодые люди поженились и теперь уже вместе странствовали по деревням и селам Коми края, где Александр промышлял своим ремеслом, починяя церковную утварь. Вскоре у молодой четы появился первенец — Василий. Глава семейства, благодаря своему умению, честности и надежности, очень быстро прослыл настоящим мастером. Ему с легкостью удавалось заполучать крупные подряды, и семья, хоть и не «жировала», но и не бедствовала.

В 1888 году Сорокины остановились зимовать в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии в доме учителя местной гимназии. 23 января 1889 года (4 февраля по новому стилю) Пелагея родила второго мальчика, которого нарекли Питиримом.

С наступлением весны все семейство снова двинулось в путь. Так и двигались они от деревни к деревне, от церкви к церкви.

«Церковь в каждой деревне возвышалась над всеми другими строениями. Ее колокольня с голубыми куполами парила высоко над селом, и белокаменное здание под зеленой крышей было видно с расстояния в несколько верст».

Жизнь была размеренной, ясной и понятной.

«Общинные мораль и нравы коми основывались на обычаях золотого века, десяти заповедях и взаимопомощи. Эти нравственные принципы рассматривались как данные свыше, безусловно обязательные и императивные. В качестве таковых они составляли основу человеческих взаимоотношений не на словах, а на деле... Избы крестьян не имели замков, поскольку не существовало воров. Серьезные преступления, если и случались, то очень редко, и даже мелких правонарушений было немного. Взаимопомощь являлась обычным делом, организующим всю жизнь крестьянской общины»,

— так характеризовал Питирим Сорокин, уже будучи состоявшимся мыслителем, атмосферу человеческого бытия, в которой зародилась и дала первые ростки его жизнь.

Но в полной мере насладиться гармонией человеческих отношений Питириму не было суждено. Виной тому стала

скоропостижная смерть матери в 1894 году, которая так и не оправилась после рождения третьего сына — Прокопия. Как утверждает сам Питирим Сорокин, «со смерти матери начинаются мои осознанные воспоминания. Сама эта картина все еще жива в моей памяти и обособленна от всех последующих событий. Я не помню, что происходило непосредственно после этого трагического пролога к драме моей жизни, но дальнейшие годы запечатлелись достаточно четко».

А непосредственно после смерти Пелагеи Васильевны произошло следующее: маленького Прокопия забрала к себе тетка Анисья (старшая сестра Пелагеи), которая жила с мужем Василием Ивановичем Римских в маленькой деревушке Римья, на берегу реки Вычегды. Питирим и Василий же остались с отцом.

Александр Прокопьевич продолжал вести кочевой образ жизни и теперь постоянно брал сыновей с собой на работу, приучая их к своему ремеслу. Все вместе они занимались освещением канделябров и крестов, иконописью, росписью стен и потолков, внешней окраской церквей. Здесь впервые стали проявляться разнообразные таланты маленького Питирима. Необычайно впечатлительный и восприимчивый, от природы наделенный художественным воображением, он стал жадно впитывать ту своеобразную атмосферу, которая присуща русским православным храмам, где, по утверждению академика Д. С. Лихачева, все говорит о чем-то ином, тайном, скрывающимся за многочисленной церковной утварью. Вот это «тайное», «иное» и увлекало маленького зырянина. И в дальнейшем, возмужав и получив колоссальное образование, Сорокин неизменно будет стремиться разгадать в пестром потоке больших и малых событий их глубокий, внешне не явный смысл.

Но это будет потом, а пока юный Питирим бродил со своим неутешным родителем и старшим братом Василием по деревням и селам Коми края. Помогал отцу в его ремесле, играл и дрался с деревенскими мальчишками. Так прошло почти 7 лет. За это время неизбывная тоска по умершей суп-

руге окончательно подорвала душевное здоровье Александра Прокофьевича. А чем на Руси врачуют сердечные раны? Из счастливого главы семейства, удачливого первоклассного мастерового Александр превратился в горького пьяницу. «Ее смерть подкосила меня, как тростинку», — плакался он своим сыновьям, которые пытались уговорить его бросить пить. Постепенно просветы между запоями все сокращались и сокращались. Дело дошло до белой горячки.

«Я хорошо помню один типичный случай. Мы оба с отцом лежали больными: меня лихорадило от чего-то, а отец, впад в белую горячку, лежал в беспамятстве. Внезапно он сел на своем сеннике, показал на большую кирпичную печь и начал кричать о появившихся оттуда страшных чертях, которые пляшут вокруг него и корчат рожи. „Христос воскрес, Христос воскрес“, — бормотал он одно и то же. Его бессвязные слова сопровождались резкими конвульсиями»,

— так описывает Питирим Сорокин пьяную агонию своего отца.

И вот в один из таких мрачных запоев Сорокин-старший, обозлившись на что-то, вдруг схватил подвернувшийся ему под руку деревянный молоток и бросился на своих сыновей (одному было 14 лет, другому — 10). Василию удар пришелся по руке, а Питириму по лицу, разорвав верхнюю губу. На следующий же день братья тайком покинули родителя, решив самостоятельно зарабатывать себе на пропитание. С тех пор пути их не пересекались. Братья пошли в противоположную сторону от привычного маршрута Сорокина-старшего.

Александр Прокопьевич так и не справился со своим горем. Спустя год после того, как сыновья покинули его, он умер от пьянства в одной из глухих деревень Коми.

Судьба отца оставила в душе Питирима неизгладимый след. Вот что он пишет в своих воспоминаниях:

«Упокой, Господи, его душу в царстве небесном! Он умер страшно одиноким — так же, как жил после смерти матери, совсем один. Несмотря на пьянство, образ доброго, трезвого отца полностью преобладал — и когда мы жили с ним вместе, и поныне этот образ сохраняется в моей

памяти. Даже в пьянстве отец не имел ничего общего с фрейдовским типом „отца-тирана“, бесчувственного и жестокого к детям. Исключая периоды запоя, наша семья — отец, старший брат и я — была хорошим гармоничным коллективом, связанным воедино теплой взаимной любовью, общими радостями и печалью и богоугодным творческим трудом.

В целом я запомнил эти годы как счастливые и интересные, несмотря на недоедание и другие физические трудности, которые временами обрушивались на нас в периоды отцовских запоев. В конце концов, не хлебом единым жив человек, и жизнь бесконечно богаче, чем простые чередования физических удобств и неудобств».

И еще одно очень интересное впечатление выносит сын, наблюдая трагическую судьбу своего родителя: «Любовь, которая переживает смерть любимого человека и сохраняется до ухода из жизни другого супруга, — сейчас редкость. Во многих современных мудрствованиях это рассматривается как нечто примитивное, устаревшее и бессмысленное. И все же любовь до гроба была и остается самым замечательным, святым и красивым идеалом человеческой жизни — идеалом бессмертным и возвышенным. Мы со старшим братом инстинктивно чувствовали, что эта верная любовь оправдывает алкоголизм отца и каким-то образом наполняет нашу жизнь ощущением прекрасного».

НАЧАЛО ЖИЗНЕННЫХ СТРАНСТВИЙ

Оставшись круглыми сиротами, братья решают самостоятельно бороться за жизнь. И надо отметить, с этой нелегкой задачей они справлялись неплохо. Из двух подростков получилась крепкая артель. На старшего Василия выпала роль «менеджера», и он проявил себя на этом поприще очень энергичным, изобретательным и инициативным человеком. Ему удавалось добывать заказы на малярные и де-

корационные работы в церквях и даже в кафедральном соборе города Яренска, где несовершеннолетним бродячим ремесленникам посчастливилось заполучить разрешение на золочение и серебрение икон, освещение канделябров, изготовление медных, серебряных и золотых риз. И вот тут в дело вступал младший Питирим, который в свои 11 лет в писании икон, изготовлении окладов и росписи интерьера превзошел многих взрослых мастеров.

Профессия церковного реставратора не только давала юному Питириму заработка, но и постоянно подпитывала распускающуюся душу эстетическими переживаниями. Большинство деревенских церквей было от 30 до 70 метров высотой. Летними солнечными днями мальчишки забирались на купола, чтобы золотить шпили, и любовались бездонным голубым небом и прекрасными сельскими пейзажами с селами, полями, речками и озерами, окруженными со всех сторон бескрайними таинственными лесами. Атмосфера вечной красоты и космическое чувство бесконечности мироздания охватывали юные души. Людские волнения казались временными и растворялись в каком-то безгрешном и благостном бытии. Все эти ощущения Питирим пытался выразить в самой творческой части своей профессии — в писании икон.

Однажды образцы работ мальчика увидел известный мастер иконописного и чеканного ремесла. Он тут же отыскал юного художника и предложил ему стать его подмастерьем, чтобы продолжить совершенствоваться в профессии. Но Питирим с благодарностью отклонил предложение мастера. Тогда он был очень привязан к своему старшему брату и не хотел его покидать.

Два года странствовали братья Сорокины по лесистому краю Коми, побывав практически во всех его отдаленных уголках. Многие случаи в их бродячей жизни: и радость творчества, и гордость успеха, и огорчение неудач; их подстерегали опасности и преследовал страх неизвестности; бывало холодно и голодно. Но преодолеть все эти трудности мальчишкам помогала мысль, что, если уж совсем при-

жмет, они всегда смогут вернуться в маленькую хижину на краю деревни Римья, где жила их тетка Анисья с дядей Василием, и где их непременно примут в любое время дня и ночи, обогреют и накормят. «Наша малая родина» — так Питирим Сорокин называл эту деревушку. «В Римьи мы были не „пришлыми чужаками“, как в других селах, а постоянными членами общины; мы были парнями из Римьи».

Особый след в душе мальчика оставил дядя Василий. По воспоминаниям Сорокина, это был «рыжеволосый, широкоплечий и крепко скроенный человечеще». Окончив сельскохозяйственные работы, он всю осень и почти всю зиму проводил в лесу, занимаясь рыбалкой и охотой. В деревне все называли его лесным человеком и «туном» — колдуном. Дядя Василий прекрасно знал привычки и образ жизни многочисленных обитателей рек, озер, болот и леса. В его воображении этот мир был населен не только реальными существами, но и всякими духами, вроде хозяина лесов — лешего. Своими красочными рассказами об общении с этими существами он будоражил воображение своих племянников.

Кроме умения рассказывать всякие сказки и небылицы, дядя Василий обладал какой-то сверхъестественной силой, которая помогала ему вправлять всевозможные вывихи и смещенные суставы. Не имея никакого понятия об анатомии человека, он с легкостью находил правильное место вывихнутым костям. Как настоящему художнику ему нравилось манипулировать «сбежавшими мослами» и заставлять их вернуться на положенное место. И он никогда не брал плату со своих многочисленных пациентов.

Глубоко врезалась в память Сорокина смерть дяди Василия. Вот как он описывает это событие в своих воспоминаниях:

«В ту весну он подхватил где-то в пути дизентерию и через несколько дней после возвращения ему стало совсем худо.. Наконец один из „духов“ сообщил ему о приближении смерти. В один из солнечных дней он сполз с постели и с трудом добрался до крыльца. Там дядя постоял молча несколько мгновений и тихо произнес: „Хочу последний раз

глядеть на чистое небо, серебряную реку, деревья и луга. И сказать последнее «прощай» этому миру и всем вам. Прощайте!"

На следующее утро он умер. Несмотря на неграмотность, этот „тун" и „лесовик" был прирожденным философом, поэтом и по-настоящему хорошим человеком. Вечная ему память!»

ПЕРВЫЕ ШАГИ К ОБРАЗОВАНИЮ

Кочевая жизнь странствующих ремесленников не позволяла братьям Сорокиным получить систематическое образование. Счету, чтению и письму юного Питирима начал учить еще отец, а потом и старший брат Василий. Впоследствии, навещая тетку Анисью, Питирим сам стал передавать знания младшему Прокопию, стараясь при этом придать занятиям игровой, потешный характер.

Первым регулярным учителем Питирима стала одна из грамотных крестьянок деревни Римья, которая собирала вечерами у себя в избе соседских ребятишек и вместе со своими обучала их в течение одной зимы. В этой «кустарной» школе Питирим за успехи в учебе получил свой первый диплом — обертку от леденца с желто-зеленым изображением груши. Сорокин очень гордился этой наградой и даже прикрепил ее в избе тетки Анисьи рядом с образами.

Получив элементарные школьные знания, а с ними и страстный интерес к учению, Питирим занялся самообразованием. Он «проглатывал» все книги подряд из арсеналов деревенских библиотек, которые попадались на пути его странствований. Отработав целый день с братом Василием, Питирим погружался в необыкновенный мир классической русской литературы. Он открыл для себя произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и Достоевского. Изредка попадались и зарубежные писатели, из которых самое сильное впечатление произвели Марк Твен и Чарльз Дик-

кенс. Эти самостоятельные чтения приучили Сорокина выносить личное суждение из вновь узнанного.

Осенью 1902 года братья остановились в селе Гам Яренского уезда, где местный священник Иван Степанович Покровский предоставил им возможность подзаработать. Работы было много, и братья рассчитывали пробыть в селе не меньше года. Как раз в это время в Гаме отстроили новое здание второклассной школы, и был объявлен первый набор. День вступительных экзаменов стал значительным событием в жизни села. На публичные экзамены собрались не только дети, желающие стать учениками, но и их родители, и просто любопытствующие. Пришли в школу и Питирим с братом. Когда экзаменатор огласил вопросы, Питирим понял, что для него они не представляют никакой трудности, и ради интереса вызвался попробовать свои силы. Ответы бродячего мастерового произвели фурор, и его зачислили в ученики и даже положили стипендию в пять рублей, которой оплачивались комната и стол в школьном общежитии за целый год.

Так волей случая Питирим Сорокин вступил на путь, который в конце концов и привел его к карьере университетского профессора.

В число предметов гамской школы входили Закон Божий, старославянский язык, чистописание, арифметика, природоведение, русский язык и церковное пение. Питирим сразу же выбился в лучшие ученики и оставался им на протяжении всех трех лет обучения, сохраняя за собой право получать ежегодную стипендию в размере пяти рублей. Особенно проникся юный Сорокин чтением церковных сочинений, а жития святых так захватили его, что одно время пылкий юноша серьезно подумывал о том, чтобы стать лесным отшельником, аскетом и посвятить свою жизнь поискам духовной благодати. Но этим устремлениям не суждено было осуществиться. Питирима переманила другая деятельность — просветительская.

Завоевав лидерство среди учеников гамской школы, Питирим всегда оказывался на первых ролях. Его выбрали руководителем школьным и церковным хорами, он ча-

сто прислуживал во время религиозных церемоний в Гамской церкви. Зимними вечерами местные крестьяне просили его почитать им церковные книги, парнишка очень толково и доходчиво отвечал на все возникающие по ходу чтения вопросы. Постепенно «богословские» посиделки получили широкую известность по всему Яренскому уезду, кружок слушателей разрастался.

«Наверное, мне действительно удавалась такая деятельность, — вспоминал уже в преклонном возрасте Питирим Сорокин, — иначе крестьяне не приходили бы ко мне и не потерпели бы поучений от мальчишки 9—12 лет. Что до меня самого, то я обожал это занятие. Хотелось бы мне знать сейчас секрет популярности моих первых „лекций и проповедей“! Возможно, это был первый синдром моей будущей профессии, или безусловный рефлекс, или просто определенная склонность характера, которая позднее полностью проявилась в том, что я стал университетским профессором, педагогом».

Руководство гамской школы, оценив дисциплинированность, упорство и исключительные природные задатки 14-летнего выпускника, позаботилось о нем, выхлопотав ему направление в учительскую семинарию, содержащуюся за счет Синода.

Пришло время братьям Сорокиным расставаться. Старший Василий решил отправиться в Петербург и там попытать свое счастье. 11-летний Прокопий остался помогать тетушке Анисье, а Питирим в конце лета 1904 года отбыл на учебу в учительскую семинарию, которая располагалась в деревне Хреново Костромской губернии. Он уезжал с твердым намерением вернуться домой сельским учителем, коллегой своих уважаемых гамских опекунов. Будущее казалось ему отчетливо ясным, а мир — идеалистически прекрасным, «в котором Бог и природа, истина, доброта и красота, религия, наука, искусство и этика были объединены в единой гармонизированной системе, не было конфликта между этими ценностями».

ПЕРВЫЙ КРИЗИС И БУНТ

«Гармонизированная система» 15-летнего Питирима зашаталась, закрипела и накренилась, как только просветленный юноша столкнулся с другим — «недеревенским миром». Он впервые в жизни ехал поездом и плыл пароходом, перед его взором разворачивалась совсем иная картина жизни — суматошная среда больших городов, пропитанная противоречиями и конфликтами.

Деревня Хреново, куда прибыл юный семинарист, была окружена небольшими текстильными городками, а в 20 километрах от училища находился относительно большой уездный город Иваново-Вознесенск. Сорокин из глухомани с ее размеренным и устоявшимся бытом попал в водоворот стремительно развивающейся городской жизни, со своеобразной «культурной революцией», с новыми книгами, журналами, газетами, литераторам и критиками, с новыми читателями и новым обществом, с его новыми, только еще нарождающимися классами буржуазии и пролетариата.

В семинарии Питирима, в его домотканой одежонке с угловатыми деревенскими манерами, встретили насмешками. Пришлось юноше в срочном порядке перестраиваться, с чем он довольно быстро справился: приобрел городской костюм, освоил кое-какие поведенческие приемы и, самое главное, доказал, что в интеллектуальном отношении он далеко не провинциальное чучело. Всего за несколько месяцев «деревенщина» завоевал репутацию лучшего ученика класса и стал лидером в литературной, научной и политической областях студенческой жизни. Новая обстановка, новые знакомства, новые книги и новые знания в корне перевернули мировоззрение юноши.

Рушились старые ценности, и первой под сомнение попала историческая обоснованность и правомерность монархического уклада в России. Установка на терпеливый аскетизм, покорность судьбе сменилась политической активностью. За два года из религиозного отрока он превратился в атеиста-

революционера, приверженца научной теории эволюции и естественнонаучной философии. Теперь вместо молитв и псалмов он сыпал агитационными речами, призывая студентов, рабочих и крестьян близлежащих городов и деревень к свержению царизма и провозглашению идей социалистов-революционеров. Из всего многообразия различных политических партий и течений Сорокин выбрал партию эсеров.

Вот как он сам объясняет свой выбор:

«В отличие от социал-демократов эсеры были партией всех трудящихся — крестьян, рабочих и людей умственного труда. В противоположность марксистскому материализму и взглядам на человека и историю общества сквозь призму первичности экономических интересов философия и социология социал-революционной партии были намного более идеалистичны или, точнее, целостны. Эсеровские взгляды отводили большую роль в социальных процессах и человеческом поведении таким важным неэкономическим факторам, как созидательные идеи, личностные усилия, борьба за индивидуальность вместо марксистской борьбы за существование».

При выборе партии сказался и авторитет старшего брата Василия, который, обосновавшись в Петербурге, уже вступил в ряды эсеров и вел активную революционную деятельность.

В начале 1905 года Питирим Сорокин, уже привыкший везде быть в первых рядах, стал главой эсеровского кружка Хреновской семинарии и организовал агитационную работу среди ближайших деревень и городов. В пылу юношеского задора Сорокин забыл о правилах конспирации и в 1906 году был арестован на одной из встреч рабоче-крестьянского кружка и посажен в тюрьму города Кинешмы.

С детства не избалованный комфортом, Питирим довольно быстро освоился в новой обстановке. Выпросив у охраны чугунок с кипятком, он вывел вшей из деревянных нар, вымел мусор из камеры и начал заводить новые знакомства. Очень скоро дверь его камеры почти целый день была отперта, арестант свободно выходил, общался с дру-

гими политзаключенными и даже пользовался телефоном, который находился в кабинете начальника тюрьмы.

За четыре месяца отсидки заключенный Питирим Сорокин проштудировал труды социолога Николая Константиновича Михайловского, сторонника «крестьянского социализма», ознакомился с теориями одного из идеологов революционного народничества философа Петра Лавровича Лаврова, изучил работы теоретиков анархизма Бакунина и Кропоткина, а также Толстого, Плеханова, Маркса, Энгельса, Ленина и, наконец, труды основателя и теоретика партии эсеров Виктора Михайловича Чернова.

«В течение четырех месяцев, проведенных за решеткой, я, по-видимому, узнал больше, чем мог бы дать мне пропущенный семестр в церковно-учительской школе», — признавался впоследствии Сорокин.

Кроме книжных знакомств с различными отвлеченными теориями переустройства общества, в городской тюрьме молодой революционер впервые столкнулся с вполне реальным уголовным миром, представителями которого были убийцы, воры, мошенники, грабители, насильники «другие «лица девиантного поведения». Наблюдая за их житьем-бытьем, общаясь с ними, Сорокин задумал тему своей первой самостоятельной научной работы — «Преступление и кара, подвиг и награда».

В апреле 1907 года плодотворная научная и практическая деятельность, которой занимался Сорокин в Кинишмской тюрьме, была прервана освобождением под надзор полиции.

Оказавшись на воле, Сорокин предстал перед непростым выбором. Чем заняться и куда подаваться? Из семинарии его, естественно, исключили. Устроиться на работу или заняться учебой в Хреново и окрестностях было невозможно — правительство запрещало принимать революционеров. Да и сам Питирим уже не горел желанием снова становиться благонадежным студентом или старательным служащим.

Охваченный революционной горячкой, он выбирает роль ходока-агитатора среди фабричных рабочих и селян, чтобы распространять эсеровские идеи, осмысленные и зазуб-

ренные им в тюремной камере, а также организовывать революционные ячейки и группы.

Не поставив в известность полицию, Сорокин вскоре после освобождения исчез из Хреново.

Объявился он в Иванове-Вознесенске, но уже не как семинарист Питирим Сорокин, а как подпольщик «товарищ Иван».

Эсеровская партия в то время еще не имела строгой структурной организации. Не было ни денег, ни тесных контактов, ни четкой иерархии. Все держалось на личных знакомствах и личных контактах знавших друг друга членов партии, которые и организовывали связь с разрозненными кружками социалистов-революционеров. Сорокин же разглядел в своей подпольной деятельности образ миссионеров, первых апостолов христианства, живущих скупой, полной лишений и опасностей жизнью.

Миссионерство «товарища Ивана» заключалось в печатании и распространении листовок, а также в организации нелегальных встреч с населением. Такие встречи обычно проводились на берегах Волги. Вокруг места сбора выставлялись дозорные, которые должны были предупреждать митингующих о приближении жандармов или казаков. Но однажды казаки перехитрили дозорных и незаметно окружили собравшихся. В это время выступал товарищ Иван, он яростно обличал царизм, призывал к его свержению и восхвалял будущий строй, в котором власть будет принадлежать народу, земля — крестьянам, а заводы — рабочим, и в котором свобода и справедливость будут обеспечены каждому. И вот в самый напряженный момент, когда образ грядущего царствия справедливости на земле уже практически витал над собравшимися, раздался отрезвляющий окрик: «Арестовываем всех до тех пор, пока не выдадите зачинщиков!»

Повисло зловещее молчание. Первым его нарушил товарищ Иван. Он стал бросать прямо в лицо офицеру, командующему отрядом конных жандармов и казаков, обвинения в угнетении, унижении и уничтожении собственного народа.

После слов «Кровопийцы! Сатрапы!» раздался оружейный выстрел — один из жандармов не вынес такого публичного оскорбления и решил оборвать тираду неумного оратора свинцом, но промахнулся. Толпа взорвалась и бросилась на своих тиранов. Товарища Ивана стащили с трибуны охранявшие его товарищи по партии и укрыли за своими спинами.

Схватка была короткой, но яростной. Поле боя осталось за митингующими. Жандармы, ошеломленные яростью и отчаянной смелостью безоружной толпы, пришпорили коней и ретировались. После непродолжительного ликования бунтовщики подсчитали потери — двое рабочих были убиты и многие раненые. Водрузив тела погибших товарищей на самодельные носилки, скорбная толпа двинулась к городу.

«Печальное шествие, освещаемое косыми лучами клонящегося к закату солнца, резко контрастировало с цветущей вокруг природой. Песня „Вы жертвою пали в борьбе роковой...“ вырывалась из тысячи глоток, летела в голубое небо с выражением протеста и скорби.

Позднее в своей жизни товарищ Иван не раз слышал великие реквиемы, написанные Моцартом, Керубини, Берлиозом, Брамсом, Верди и Форе, похоронные марши Бетховена, Шопена и Вагнера. Но ни один из этих шедевров не наполнял его душу такой глубокой скорбью, страданием и жадной справедливости, как эта простая *и незатейливая песня»,

— так много лет спустя вспоминал Питирим Сорокин этот эпизод из своей миссионерской деятельности.

После трех месяцев напряженной подпольной работы за «товарищем Иваном» агентами охраны была устроена настоящая охота. Спасали его от ареста только бдительность товарищей по партии и солидарность сочувствующих, которые вовремя предупреждали своего «апостола» об опасности. Но все уже понимали, что долго так продолжаться не может. Да и товарищ Иван стал сдавать как физически, так и психологически. В его голосе уже не звенела былая радость борьбы, а в речах не чувствовалось непримиримой убежденности. Под давлением сложившихся обстоятельств

и по настойчивой рекомендации друзей по партии товарищ Иван покинул театр революционной деятельности и удалился в заповедную тишь родного села Римья, под опеку любвеобильной тетки Анисьи.

ПУТЬ В СТОЛИЦУ ИМПЕРИИ

В деревне никто не знал о новых пристрастиях молодого Сорокина. Его встретили как прежнего доброго христианина. В покойной, благостной обстановке, лишенной суетности и агрессивности, коими пропитана городская жизнь, Питирим быстро стал восстанавливать утраченные силы. Он помогал тетке и младшему брату Прокопию по хозяйству, встречался с бывшими друзьями и учителями по гамской школе.

Поправившись и отъездившись, молодой революционер снова затосковал. Его уже не увлекали ни писание икон, ни золочение куполов, ни проповеди для крестьян. Пылливый ум требовал новых знаний, а разбуженное тщеславие — новых побед.

И Сорокин решает, по примеру своего старшего брата, отправиться напрямик в столицу. Он рассчитывает устроить свою жизнь в Петербурге так, чтобы работать и учиться одновременно.

Решение было принято, а вот средств к его осуществлению не было. К лету 1907 года у Питирима имелось в наличии около 2 рублей. Чтобы добраться до столицы даже в режиме жесточайшей экономии требовалось не меньше 16. Затянув пояс до предела, Сорокин стал хвататься за любую работу и к началу осени увеличил свой капитал до 10 рублей. Суммы решительно не хватало, но терпения уже не оставалось, и Питирим, положившись на русское «Авось!», отправляется в путь.

Путь до Вологды протекал как радостное путешествие. Маленький пароходик «Купчик» медленно плыл вдоль живо-

писных берегов, стояла прекрасная погода, в котомке, собранной тетей Анисьей, была нехитрая провизия, а в голове роились заманчивые планы и мечтания. Но на железнодорожном вокзале в Вологде оказалось, что самый дешевый билет до Петербурга стоит 8 целковых, а в кармане у путника оставалось чуть больше 3. Но разве такое обстоятельство могло остановить юношу, который уже побывал под казачьими пулями? Питирим покупает билет до ближайшей станции, а дальше едет «зайцем», заматавая следы, перебегая из вагона в вагон, прячась от контролеров на подножках. Все же один бдительный проводник выловил безбилетника и допросил. Питирим рассказал все как есть: мол, хочу учиться, еду в столицу, денег нет, сирота, но ведь Господь учит любить ближнего, воспринимать его нужды как свои собственные. А какие нужды у сироты? Добраться до Петербурга, чтобы найти работу и попробовать выучиться. Проводник отправил словоохотливого «зайца» мыть туалет, затем велел затопить «титан» и предостерег, чтобы до Петербурга тот не маячил в проходе.

Так Питирим Сорокин за червонец добрался до столицы, и, когда он ступил на перрон Николаевского вокзала, в кармане у него оставалось еще 50 копеек.

ЖИЗНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТ

С Николаевского вокзала Питирим направился по единственному имеющемуся у него адресу — к своему земляку и родственнику по линии матери Федору Коковкину, который тоже когда-то бродил с братьями Сорокиными в поисках работы по Коми краю. (Брата Василия к тому времени за связи с социалистами в административном порядке выслали в Сибирь.)

Федор работал на заводе, жил очень бедно, снимал угол в многоквартирном доме, но земляка принял радушно, на-

кормил и разрешил пожить у себя, пока тот не определится с работой и жильем.

Питирим не стал обузой. Буквально на следующий же день он отыскал себе место репетитора у мелкого служащего электрической станции, который давал ему ночлег и двухразовое питание за то, что бывший семинарист будет пестовать двух его отпрысков, учеников первого класса гимназии.

Когда вопрос с пропитанием и кровом был решен, Сорокин приступил к осуществлению главной цели своего визита в столицу Империи — поступлению в университет. Для этого ему нужно было сдать экстерном экзамены за все 8 классов гимназии. Оценив свои возможности, Питирим понял, что на данный момент ему это не под силу. Оставалось одно — поступить на бесплатные общеобразовательные курсы Черняева.

С 1906 года на курсах начали читать лекции по университетской программе. Расчет Сорокина был таков: Александр Сергеевич Черняев — учредитель и директор курсов — был выходцем из Вологодской губернии и симпатизировал эсерам, а одним из преподавателей курсов являлся лучший друг Черняева — Каллистрат Фалалеевич Жаков — первый из коми, получивший звание университетского профессора. Вот к этому-то именитому земляку и направился за протекцией молодой зырянин Питирим Сорокин.

И снова его ждала удача. Выслушав ходока, профессор удивился, как совпадает рассказ парнишки с его собственной начальной биографией. Ведь и отец Каллистрата тоже был мастером высшей квалификации и занимался отхожим промыслом — ставил иконостасы, починял церковную утварь. И вместе с ним Каллистрат скитался по деревням Коми, вдоль рек Вычегды, Сысолы, Вишеры и Выми. Точно так же, как и Питирим, он тянулся к знаниям, закончил такую же церковно-учительскую духовную семинарию и так же был гоним и преследуем царским режимом за «атеизм и вольнодумство»; и в Петербург он прибыл тоже «зайцем», правда, в кармане у него было не 50, а всего-навсего 20 копеек.

Поразившись и умилившись такими количеством совпадений, профессор твердо пообещал юноше устроить ему бесплатное обучение на Черняевских курсах.

Профессор сдержал свое слово, и для Питирима начался новый период в его стремлении к умственному, нравственному и культурному развитию.

Утром стакан чая с булочкой, затем занятия с гимназистами, потом обед, состоявший из тарелки супа, каши или куска мяса, затем марш-бросок в 15 верст на курсы, там лекции доктора физики И. И. Боргмана, доктора ботаники А. Г. Генкеля, профессоров Н. И. Кареева, В. И. Баумана, Н. Е. Введенского, С. А. Венгерова, М. М. Ковалевского, К. Ф. Жакова — блестящих педагогов Санкт-петербургских институтов и университета. И уже почти ночью снова 15-верстовая прогулка. И так 6 дней в неделю, 2 года подряд. Но никакие трудности не могли омрачить радость приобщения к великим достижениям человеческой цивилизации. Вот какими размышлениями разродился уже в конце своего жизненного пути Питирим Сорокин, вспоминая первые два года жизни в Санкт-Петербурге:

«В те годы я как губка жадно впитывал достижения человеческого гения в науке и технике, философии и изящных искусствах, этике и праве, политике и экономике. Любой большой город накапливает не только пустые и ядовитые псевдоценности, но огромное богатство универсальных, вечных и бессмертных ценностей мысли и духа, хранимых школами и лабораториями, храмами и библиотеками, музеями и художественными галереями, театрами и концертными залами, величественными зданиями и историческими памятниками. В этом смысле любой большой город дает человеку возможность и для развития, и для деградации, и для облагораживания, и для сведения на нет его созидательных возможностей. К несчастью, многие горожане, особенно сейчас, в век коммерциализованной и вульгарной псевдокультуры, не делают различия между образцами культуры, которые они воспринимают. Широкие массы, стадо „образованных варваров“, берут из городской культуры — в основном через печать, радио, телевидение, рекла-

му и другие средства коммуникации — только пустые банальности, яркие и вредные забавы и сиюминутные ценности.

В результате они остаются „холеными цивилизованными манекенами” и едва ли превосходят умом, нравственным поведением и способностью к созиданию нецивилизованных дикарей.

То ли из-за моего прежнего опыта преодоления трудностей, который не позволял отвлекаться на мелочи, то ли из-за революционного умонастроения, не важно, в общем-то, по какой причине, ложные ценности не привлекали, да и сейчас не прельщают меня.

Я никогда не находил интереса в быстрых переходах этих лжеценностей из одной модной, но ничего не содержащей формы в другую, такую же. Даже сейчас, если книга, или пластинка, или фильм тиражируются миллионами копий, то для меня это достаточная причина не затруднять себя такого рода умственной или культурной жвачкой. Есть, конечно, некоторые исключения из данного правила, но, как я показал в книге „Социальная и культурная динамика”, исключения только подтверждают правила: подавляющее большинство хитов-однодневок, непрочных успехов и бестселлеров на час, — представляют собой совершенно вульгарную интеллектуальную пищу.

Вместо того чтобы забивать мозги такой кашей, я поглощал бессмертные шедевры литературы, музыки, изобразительного искусства, скульптуры, архитектуры, религии и философии, науки и техники и гуманитарной мысли. Подобное общее образование я получал, читая классические труды, посещая музеи, участвуя в различных литературных, художественных, философских и политических кружках и обществах. Через Жакова и других профессоров я вскоре познакомился с несколькими российскими знаменитостями в этих областях культуры. У меня также установились личные взаимоотношения с некоторыми лидерами эсеров, социал-демократов и кадетов, и я вновь начал культурно-просветительскую работу среди рабочих Путиловского и других заводов».

После двухлетнего завоевательного похода по закоулкам и хранилищам достижений человеческой мысли и духа Сорокин осознает, что накопленных знаний для сдачи экзаме-

на на аттестат зрелости вполне достаточно, осталось только их слегка систематизировать. С этой целью в феврале 1909 года он уезжает в Великий Устюг. Остановившись у своей тетки Анны, которая держала с мужем Михаилом хлебную палатку на местном рынке, Питирим мог не заботиться о хлебе насущном и полностью сконцентрироваться на подготовке к предстоящим экзаменам.

4 июня 1909 года Питирим Сорокин получил на руки следующий документ:

«Дано сыну мещанина Питириму Александровичу Сорокину православного вероисповедания, родившемуся в Яренском уезде Вологодской губернии 23 января 1889 года, обучавшемуся в Хреновской церковно-учительской школе Костромской губернии в том, что он в мае и июне сего 1909 года подвергался испытанию зрелости в Велико-Устюгской мужской гимназии и оказал на сем испытании нижеследующие познания:

- В Законе Божиим — отличные (5)
- Русском языке с Церковно-славянским и словесности — хорошие (4)
- Философской пропедевтике — отличные (5)
- Латинском языке — хорошие (4)
- Законоведении — хорошие (4)
- Математической географии — хорошие (4)
- Физике — хорошие (4)
- Истории — отличные (5)
- Географии с природоведением — отличные (5)
- Французском языке — отличные (5)».

Это свидетельство открывало перед Сорокиным двери любых институтов и университетов Российской Империи. Окрыленный успехом, он спешит обратно в Санкт-Петербург.

В ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Вернувшись в столицу, Сорокин останавливает свой выбор не на государственном университете, а на недавно организованном Психоневрологическом институте, основателем которого был психиатр и психолог Владимир Михайлович Бехтерев.

«Программа обучения в нем казалась мне более гибкой, чем в университете, притом что профессорско-преподавательский состав в институте был не хуже. Помимо прочего, институт предлагал курсы лекций по социологии, читаемые двумя учеными с мировой известностью — М.М.Ковалевским и Е. Де Роберти, тогда как в университете этой дисциплине не обучали. В то время из всех областей науки более всего меня интересовали химия и социология... Студенты института, в отличие от университетских, казались мне более активными и революционно настроенными и в основном были, так же как и я, выходцами из низших рабоче-крестьянских сословий»,

— так сам Сорокин определяет свой выбор.

К этому следует добавить, что обучение в институте было платным и составляло 150 рублей за учебный год. Сорокин в сентябре 1909 года сумел внести только 35 рублей с обещанием погасить долг позже, гарантом выступил опять-таки земляк Питирима профессор Каллистрат Жаков. Надо отметить, что в юности Сорокин проявлял чудеса предприимчивости и изворотливости, доказательством тому может послужить случай, когда он неизвестно какими путями добыл себе необходимый для поступления в высшее учебное заведение документ, так называемое «Свидетельство о благонадежности», за личной подписью градоначальника Санкт-Петербурга Д. В. Драчевского.

С первых же шагов обучения в Психоневрологическом институте Сорокин обратил на себя внимание как студентов, так и преподавательского состава. Во-первых, он разработал собственную систему посещения лекций. Свое внимание первокурсник уделял только тем лекциям, «...в которых:

а) профессор читает нечто оригинальное; б) эта оригинальная теория или система знаний важна и важна значительно; в) то, что читается на лекциях, нигде не опубликовано».

Во-вторых, Сорокин старался как можно чаще напоминать о себе преподавателям. Для этого была выработана пара излюбленных приемов: «а) проявляй активность на семинарах; б) вызывай профессоров на личные дискуссии, в которых обязательно покажи, что досконально проштудировал все опубликованные труды оппонента».

Это льстило, удивляло и располагало научных деятелей, и они не придавали никакого значения тому, что совсем не видят студента Питирима Сорокина на своих лекциях.

Следуя собственной методике обучения, Сорокин за первый же год пребывания в Психоневрологическом институте добился репутации выдающегося студента и многообещающего молодого ученого. Он был избран председателем на семинарах профессоров Е. Де Роберти, М. М. Ковалевского и В. М. Бехтерева. Его приглашали публиковать свои работы в научных журналах.

Одним из немаловажных преимуществ «укороченной» системы занятий, выработанной Сорокиным, было увеличение лимита свободного времени. Благодаря этому Питирим со своими друзьями студентами активно участвовал в политической и культурной жизни города. Молодые люди вели просветительскую работу среди рабочих и студентов, посещали симфонические концерты, театры, сами организовывали литературные, музыкальные и театральные вечера. Они наслаждались жизнью во всем ее богатстве, ощущая себя молодыми и полными сил.

Сорокину по-прежнему приходилось зарабатывать себе на жизнь репетиторством. И хотя к этому источнику прибавились ещё и гонорары от случайных статей для некоторых периодических изданий, денег все равно катастрофически не хватало. Поэтому Сорокин так и не смог погасить долг за обучение в институте. По этой причине весной 1909 года Сорокина и его близкого друга Кондратьева отстрани-

ли от занятий. Друзья недолго думая подали прошение о приеме их в студенты юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Сам Сорокин утверждал, что решил перейти в университет из-за «глубокого нежелания быть призванным в царскую армию», а студенты всех государственных университетов были освобождены от призыва, в отличие от студентов недавно созданных частных институтов.

«Останься я в институте, меня бы, наверняка, призвали со второго курса. Считая принудительную воинскую повинность наихудшей формой насильственного порабощения свободного человека самодержавной властью, а воинскую службу — обучением искусству массового убийства, я не имел никакого желания попасть на нее и не рассматривал эту повинность как свой нравственный долг».

Не желая с оружием в руках отдать долг ненавистному самодержавному государству, Сорокин все же с большим воодушевлением принял известие о зачислении его в государственный университет, да к тому же еще и с годовой стипендией в 300 рублей:

«Окрыленный, с легким сердцем я поехал в Устюг и Римью на летние каникулы»;

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ

В августе 1910 года Сорокин возвращается в Санкт-Петербург и с новыми силами включается в учебный процесс, теперь уже университета.

В то время социология как наука еще не была признана официально, и ее не преподавали ни в одном высшем учебном заведении страны, но, несмотря на это, многие социологические Проблемы обстоятельно рассматривались в лекционных курсах, посвященных праву, экономике, теории и философии истории, политическим наукам, криминологии, этнографии. Большинство этих курсов читалось на юриди-

ческом факультете университета, поэтому Сорокин и оказался именно там. Он очень быстро познакомился и подружился с самыми влиятельными профессорами факультета — Михаилом Ковалевским и Львом Петражицким, чей знаменитый курс «Общая теория морали и права», рассчитанный на целый год, Сорокин досконально проштудировал за две недели по трем томам капитального труда профессора. На первом же семинаре первокурсник Сорокин взял слово. В своей речи он высоко оценил научный вклад учителя и весьма аргументировано раскритиковал слабые стороны его теории, предложив по ходу дела несколько личных конструктивных идей. Такой подход и эрудированность нового ученика произвели на мэтра благоприятное впечатление.

Уже на втором курсе Михаил Ковалевский предложил Сорокину должность своего личного секретаря и ассистента в исследовательской работе, а профессор Де Роберти — место соредактора в журнале «Новые идеи в социологии». Со временем Сорокин стал соредактором Петражицкого и Бехтерева в таких изданиях, как «Новые идеи в правоведении» и «Вестник психологии и криминальной антропологии».

Продолжая свой крестовый поход на науку, Сорокин приобрел солидные знания в философии, психологии, этике, истории и естественных науках. Он досконально изучил теорию права, русского и европейского, историю русского, римского и европейского права, конституционное, гражданское и уголовное право по кодексам и сводам законов. Еще более тщательно Сорокин вникает в социологические труды, включая последние работы многих западных авторов.

В процессе накопления знаний у Сорокина начинает складываться новая достаточно цельная система мировоззрения. Вот как он сам характеризует ее в своих воспоминаниях:

«С философской точки зрения возникшая система взглядов была разновидностью эмпирического неопозитивизма или критического реализма, основывающаяся на логических и эмпирических научных методах познания. Социологически — это был некий синтез социологии Конта и взглядов

Спенсера на эволюционное развитие, скорректированный и подкрепленный теориями Н. Михайловского, П. Лаврова, Е. Де Роберти, Л. Петражицкого, М. Ковалевского, М. Ростовцева, П. Кропоткина — из русских мыслителей, и Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, Р. Штаммлера, К. Маркса, В. Парето и других из числа западных ученых. Политически — мое мировоззрение представляло из себя форму социалистической идеологии, основанной на этике солидарности, взаимопомощи и свободы».

Продолжая активно участвовать в политической жизни страны, Сорокин познакомился со многими государственными деятелями, членами Думы и руководителями различных политических партий. «Наш молодой Жан-Жак Руссо», — так рекомендовал политикам своего ученика профессор Ковалевский. В это же время Сорокин свел дружбу с тогдашним лидером партии и думской фракции трудовиков А. Ф. Керенским, который в марте 1917 года примкнет к эсерам и затем займет пост министра-председателя Временного правительства и пригласит Сорокина в секретари.

Новоявленный Руссо не жалел энергии на дискредитацию одряхлевшей власти. И чем оцутимей он жалил эту власть, тем весомее становился его авторитет в революционной среде. Благодаря своим «подрывным» лекциям среди заводских рабочих, студентов и интеллигенции, а также многочисленным политическим публикациям во всех популярных проэсеровских изданиях и работе по организации ячеек и групп социал-революционеров Сорокин довольно быстро снискал репутацию заметного идеолога и перспективного молодого лидера эсеровской партии. И когда осенью 1910 года в столице начались студенческие беспорядки, вызванные смертью Льва Николаевича Толстого 7 (20) ноября, Сорокин выступил в числе самых активных и изобретательных «зачинщиков».

Митинги и демонстрации полностью парализовали обычную академическую жизнь практически всех высших заведений Санкт-Петербурга. Правительство попыталось прекратить смуту жесткими мерами. Последовали повальные аресты, ссылки и тюремные заключения. Сорокин перешел на полу-

легальное положение. Старался как можно реже появляться по адресу проживания, ночевал у друзей и товарищей по партийной работе. Но сыщики наводнили город своими информаторами. Многих партийцев схватили. Сорокин понял, что, если он останется в городе, полиция в конце концов выследит и его. Но чтобы уехать, нужны были средства, а их, как всегда, не хватало. Пришлось задействовать наработанный обширный круг знакомств. Выяснилось, что один довольно состоятельный инженер, больной туберкулезом, собирается выехать на лечение на итальянскую Ривьеру. Сорокин обрисовал инженеру сложившуюся ситуацию, и тот предложил сопровождать его в заграничной поездке в качестве сиделки и помощника. Друзья по партии достали Сорокину фальшивый паспорт, форму курсанта Военно-медицинской академии и все необходимые принадлежности. Как пишет сам Сорокин, «план был реализован без сучка и задоринки». Пока полиция в Петербурге разгоняла, отлавливала, судила и ссылала охваченных духом бунтарства студентов, их вожак мирно катил в комфортабельном вагоне международного класса к берегам солнечного Средиземноморья.

После двухнедельных каникул, проведенных в Сан-Ремо, Ницце, Монте-Карло, где удачливый революционер снова обманул" судьбу и выиграл в рулетку пару сотен франков, Сорокин вернулся в притихший Петербург.

Появившись в стенах университета, загорелый, прифрантившийся, с новейшим трудом Г. Зиммеля под названием «Социология», приобретенным в Вене, Сорокин почувствовал дискомфорт. Многие студенты и преподаватели дорого заплатились за проявления гражданской активности: кто-то лишился должности, кто-то — студенческого билета, а кто-то — и свободы. Тогда, чтобы как-то реабилитироваться в глазах товарищей, Сорокин устраивает демарш — отказывается сдавать экзамены за академический год «в знак протеста против самодержавия и подавления академических свобод». Самодержавие отреагировало сдержанно — просто лишило строптивного студента стипендии.

«Я воспринял это наказание легко, как малую цену за выполнение обязательств и сохранение самоуважения».

Наигравшись в революцию, Сорокин вновь погружается в учебу и научную работу. Главной его заботой на всю зиму 1912-1913 года становится написание первого основательного труда «Преступление и кара, подвиг и награда», который выходит в свет в 1913 году. В этой 500-страничной монографии молодой автор утверждал, что все или почти все поступки и поведенческие действия людей имеют моральную сторону, и разделил их на ряд актов — «должные», «запрещенные» и «рекомендованные». «Должные» воспринимаются людьми эмоционально нейтрально, «рекомендованные» строятся на симпатии и любви, а «запрещенные» порождают вражду. Сорокин называет «рекомендованные» акты подвигами, а «запрещенные» — преступлениями; за каждый из этих актов человек получает, соответственно, либо награду, либо наказание.

Далее были сформулированы несколько теорем мотивационного влияния наград и наказаний: если награды и наказания следуют сразу же по совершении поступка, их воспитательное значение более эффективно, отдаление же наказания невольно требует его ужесточения; одна и та же кара и награда тем больше влияют на поведение человека, чем сильнее человек уверен в их неизбежности.

Сорокин исследовал эволюцию теоремы кар и наград и определил ее динамику от социально обезличенного характера в примитивных и антагонистических структурах к все более индивидуалистическому в демократическом обществе, где каждый получает все больше и больше по заслугам реальным, а не мнимым — кастовым, сословным, классовым. И на основании этого ученый сделал предположение, что в будущем система кар и наказаний исчезнет, так как социально полезные акты поведения будут следствием не внешне назначенного «долга», неисполнение которого грозит карой, исполнение же — стимулируется только наградой, а долгом свободным, внутренне императивным, пост-

роенным на «любви к людям». «Вот предел, к которому ведет история человечества», — заключил свое исследование Сорокин.

Книга вызвала много печатных откликов. Один из лидеров эсеров известный историк и социолог Виктор Чернов радостно провозгласил появление нового оригинального труда в бледной и скудной социологической литературе родного отечества.

За время учебы в университете Сорокин опубликовал более 50 работ в различных периодических изданиях на самые разнообразные темы. Его перу, например, принадлежат статьи, посвященные творчеству американского поэта Уолта Уитмена, которого он называл «бардом жизни», французскому поэту Верхарну и драматургу Гамсуну.

В мае 1914 года Сорокин окончил Санкт-Петербургский университет с дипломом первой степени, что открывало ему возможность остаться в университете для подготовки к профессорскому званию. Это полностью совпадало с главным намерением Сорокина посвятить свою жизнь научной деятельности. В качестве основной области специализации новоявленный аспирант остановился на уголовном праве и пенологии (уголовной социологии).

ПОДГОТОВКА К ПРОФЕССОРСТВУ И УЧАСТИЕ В РЕВОЛЮЦИИ

Начиная подготовку к профессорству, Сорокин получил от своих кураторов список литературы более чем из 900 наименований книг по криминологии, уголовно-процессуальному законодательству и конституционному праву. Через А года на устном экзамене молодому ученому предстояло показать хорошее знание этих работ. -

И опять Сорокин проявил чудеса работоспособности — вместо положенных четырех, а то и более лет, он за 2 года

подготовился и сдал устный экзамен на степень магистра, которую и получил в ноябре 1916 года.

Мало того, готовясь к экзамену, Сорокин по-прежнему много издавался, читал лекции по социологии в двух институтах, работал в созданном совместно с преподавателями кафедры социологии Психоневрологического института «Русском социологическом обществе памяти М. М. Ковалевского» (умершего 23 марта 1916 года) и даже успел написать научно-фантастическую повесть «Прачечная человеческих душ».

Гиперактивный и суперпродуктивный аспирант после досрочной сдачи устного экзамена на степень магистра был принят приват-доцентом в Петроградский университет. Впереди была защита магистерской диссертации, за ее основу Сорокин взял книгу «Преступление и кара, подвиг и награда». Реакция Ученого совета юридического факультета на планы приват-доцента была благожелательной, и уже назначили дату защиты — март 1917 года.

Однако беспощадная русская революция, к раздуванию которой эсер Сорокин приложил немало усилий, созрела и в одночасье разрушила все его научные планы. Защиту диссертации пришлось отложить и снова включиться в партийную работу.

Поначалу Сорокин воспринял происходящие перемены с большим воодушевлением. Вот что он записал в своем дневнике:

«Старый режим рухнул по всей России, и мало кто сожалеет о нем. Вся страна рада этому. Царь отрекся сам и за своего сына. Великий князь Михаил отказался от трона. Избрали Временное правительство, и его манифест стал одним из самых либеральных и демократических документов, когда-либо издававшихся. Все царские служащие от министров до полицейских смещены и заменены людьми, преданными республике, чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения в нашем республиканском будущем. Большинство народа надеется и ожидает, что войну теперь будут вести более успешно. Солдаты, госчиновники, студенты, горожане и крестьяне — все проявляют огромную энергию. Крестьяне везут зерно в город и в действующую армию, иногда

бесплатно. Армейские полки и группы рабочих выступают под знаменами, на которых начертано: „Да здравствует революция!“, „Крестьяне — к плугу, рабочие — к станкам и прессам, солдаты — в окопы!“, „Мы, свободный народ России, защитим страну и революцию!“»

Но одно дело — гулять по улицам с плакатами в руках и выкрикивать красивые лозунги, и совсем другое — выполнять их на деле. Для того чтобы вернуть страну в русло нормальной жизни, нужна была твердая политическая воля новой власти, с чем Временное правительство так и не справилось. Многочисленные партии различных идеологий и уклонов своей междоусобной грызней за власть продолжали будоражить и так почти уже не управляемый народ. Особые споры вызвал вопрос о войне, ее окончании и справедливом мире. Во всех революционных партиях России однозначного подхода к этому вопросу не было. И постепенно оформились две главные противоборствующие силы — «социал-патриоты» (или оборонцы) и «интернационалисты».

Оказавшись в стане социал-патриотов, которые ратовали за продолжение военных действий с Германией и ее коалицией, Сорокин отстаивал позицию «Войны до победного конца!» на страницах организованной правыми эсерами газеты «Воля народа», где он вел популярную колонку «Взгляд социолога».

Основные политические и идеологические противники Сорокина — интернационалисты, возглавляемые Лениным, в пику социал-патриотам, выдвинули свой лозунг: «Мир — хижинам! Война — дворцам!» Они желали заменить интернациональную, мировую войну глобальной «классовой войной».

В пылу полемики Сорокин напрочь забывает о своих пацифистских заявлениях, которыми он щеголял еще каких-то пару-тройку лет назад, будучи студентом Психоневрологического института. Теперь его не пугают ни «искусство массового убийства», ни аресты политических противников. «Будь я на месте правительства, я бы арестовал их без промедления», — заявляет он своим соратникам, прослушав

речи Ленина, Зиновьева и Троцкого, выступавших перед рабочими с балкона дворца Кшесинской.

В ряде публикаций «Воли народа» эсерами была поддержана идея государственной независимости Чехии. Сорокин и сам написал одну из таких статей. Вскоре после публикации в редакцию пришел пражский профессор Томаш Мазарик и пожелал познакомиться с автором. Мазарик был автором ряда книг по современной философии и социологии. Пражский профессор и молодой лидер эсеровской партии сразу же сдружились. Эта дружба весьма пригодилась Сорокину, когда через каких-то 5 лет он был выдворен из большевистской России, а Мазарик к тому времени стал первым президентом независимой Чехии.

Немало усилий было приложено Сорокиным и для организации и проведения 1-го Всероссийского съезда крестьянских депутатов, где он, войдя в Исполнительный комитет Крестьянского Совета, неистово призывал крестьян к патриотизму, к безоговорочной поддержке Временного правительства и к отказу от самовольного захвата земель.

Среди этой сумятицы митингов, демонстраций, заседаний Сорокин находит время и на личную жизнь. 26 мая 1917 года он вступает в законный брак с дочерью помещного дворянина -Таврической губернии Еленой Петровной Баратынской. Молодые люди познакомились еще 1912 году в доме все того же профессора Жакова на одном из литературных вечеров. Елена была студенткой Высших женских (Бестужевских) курсов, и ее покорили эрудированность и напористость северного самородка, к тому же уже тогда многие авторитетные столичные профессора прочили молодому дарованию завидное научное будущее. Она видела в Сорокине будущего Ломоносова.

Вот как сам жених описывает свою свадьбу:

«Она представляла действительно революционное бракосочетание. После церемонии венчания в церкви, на которую я явился прямиком с какого-то важного митинга, мы с женой и друзьями имели только полчаса на обед, а затем

мне уже надо было поторапливаться на другое окаянное мероприятие. Наверное, такое может случиться только в войну или во время революции».

Необычность и пикантность революционной свадьбы собравшиеся гости смогли оценить в полной мере после того, как жених и невеста исчезли из ресторана, предоставив им самим расплачиваться за съеденное и выпитое. Возможно, возбужденные молодожены просто забыли о такой мелочи, но, скорее всего, их захватила пьянящая атмосфера революционного города, где отовсюду неслись возгласы: «Да здравствует свобода! Нынче все дозволено!»

КРИЗИС ДВОЕВЛАСТИЯ. БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

После провала «летнего наступления Керенского» на фронтах Первой мировой войны, когда русская армия под натиском германских и австро-венгерских войск бежала, сметая все на своем пути, в столице вновь обострилось противостояние между Советами и Временным правительством. Чтобы покончить с двоевластием, генерал Л. Корнилов организовал особую армию под командованием генерала А. М. Крымова и направил ее в Петроград, рассчитывая силой сбросить и Советы, и правительство Керенского, а самому стать диктатором — для полного наведения порядка в стране. Корнилов считал, что, узнав о его походе, большевики попытаются взять власть вооруженным путем, и тогда, уже на законном основании, их можно будет уничтожить. Но большевики пошли на сотрудничество с другими партиями. На заседании Исполнительного комитета Совета был избран «Комитет народной борьбы с контрреволюцией» из 22 членов; Сорокин, занимавший к тому времени должность личного секретаря министра-председателя Временного правительства Керенского, стал одним из них. Первоочередной

задачей комитета была определена работа по организации пропаганды среди войск Корнилова. Секретарь министра-председателя бок о бок с вошедшими в комитет большевиками трудился над воззваниями и прокламациями, инструктировал агитаторов. Казалось, общая угроза примирила врагов, но это была лишь очередная иллюзия. Вскоре большевики потребовали освобождения из тюрьмы своих товарищей — Троцкого, Коллонтай и других. Сорокин и другие члены Совета резко протестовали. Снова начались раздор и противостояние, и снова большевики взяли верх. Совет выполнил их требования.

Между тем откомандированные комитетом агитаторы разных мастей и национальностей (в эшелонах на Петроград двигалась «дикая дивизия») сделали свое дело. В 50 километрах от Петрограда войска Корнилова были остановлены, началось их братание с войсками Временного правительства. Командующий «контрреволюционными» войсками генерал Крымов явился к министру-председателю Керенскому и после короткого разговора с ним застрелился. «По-моему, все корниловское дело было трагедией. Мотивы Корнилова и Крымова были абсолютно чистыми и патриотичными. Ни в коей мере это не было „контрреволюцией"», — напишет много лет спустя Сорокин.

Большевицкий мятеж в ноябре 1917 года Сорокин встретил двумя гневными статьями «Победителям» и «Во власти преторианцев», напечатанными в «Воле народа». В них секретарь свергнутого министра-председателя, не стесняясь в выражениях, с присущим неистовством клеймил большевиков:

«Прежде всего, вы гг. большевики, — лгуны, жалкие презренные лгуны. Съезда Советов нет, есть только сходбище большевиков. Вы лжете и говорите, что съезд есть...

Вы — грабители. Это второе ваше имя. Вы разграбили Зимний дворец, национальное достояние, изодрали редкие картины и растащили драгоценности.

Вы — пьяные илоты. В трагические минуты революции что вы делаете? Добравшись до складов Зимнего дворца,

вы, стоя жадных псов, набрасываетесь на вина, напиваетесь и безумствуете в пьяном кошмаре.

Вы — просто негодяи. Ибо только отъявленные мерзавцы могут насиловать женщин. А вы это сделали.

Вы — убийцы. Убийцами вы были 3—5 июля. Убийцами являетесь и теперь. Не похоронены еще ваши жертвы. И кровь на вас. И клеймо убийц никакие силы не сотрут с вашего тупого лба.

Вы — предатели родины и революции. Предатели родины потому, что своими руками открываете путь полчищам германского императора. Предатели революции потому, что погубили и губите ее. Революция не с вами. С вами только — темные банды».

Вот такой портрет самовольных захватчиков власти нарисовал Сорокин. Экспрессия и откровенность этого выступления насторожила и испугала даже близких соратников Сорокина. Они стали настаивать, чтобы он не подписывал такие тексты своим полным именем, но Сорокин, еще не осознавая всю степень опасности, гордо ответил: «Пусть стоит. Мы все сейчас, так или иначе, смотрим в лицо смерти».

Большевики, конечно же, запретили газету. Сорокин перешел на нелегальное положение. Он не ночевал дома, всячески изменял свою внешность, перестал бриться.

Единственной надеждой противников большевиков оставались выборы в Учредительное собрание. Они должны были показать, что Ленин и его сподвижники самовольно узурпировали власть. Сорокин вместе со своими товарищами по партии активно агитировал за скорейшее проведение выборов по всей России и баллотировался в Учредительное собрание по Вологодскому губернскому округу от эсеров. За последнюю предвыборную неделю он выступил в общей сложности на 12 митингах.

«Я со своими товарищами набрал на выборах в Вологодской губернии около 90 процентов голосов! Вчера вечером мы отметили это событие в высшей степени экстравагантным банкетом. Каждый съел кусочек хлеба, половинку сосиски, консервированный персик и выпил чай с сахаром», — запишет в своем дневнике Сорокин.

На состоявшихся выборах большевики проиграли, но это не помешало им продолжать захват власти, просто игнорируя мнение большинства.

Пока толпы восторженных горожан расхаживали по улицам Петрограда, скандируя: «Да здравствует Учредительное собрание, хозяин России!» — большевики потихоньку арестовывали и уничтожали избранников народа.

Сорокин попался в «лапы большевистской кошки» 2 января 1918 года. Его арестовали на конспиративной квартире, где располагалась редакции газеты «Воля народа», вместе со старейшим деятелем эсеровской партии Александром Аргуновым. Несмотря на протесты и заявления Сорокина о депутатской неприкосновенности, задержанных обыскали и препроводили в Петропавловскую крепость. Там им предъявили обвинение в покушении на товарища Ленина, которое произошло днем раньше.

1 января 1918 года машину Ильича, действительно, обстреляли неизвестные. И хотя никто не пострадал, большевики не упустили случая и провели массовые аресты эсеров и прочих своих противников.

Сорокина и Аргунова поместили в камеру № 63 — узкое сырое помещение с небольшим зарешеченным окном с частой решеткой. В камере не было ни кроватей, ни табуреток, лишь грязный матрац, валявшийся в углу. Невольно Сорокину вспомнились почти курортные условия содержания под стражей во времена царского режима.

Сорокин провел в крепости без малого два месяца и был освобожден по ходатайству меньшевика-интернационалиста Г. М. Крамарова, который в то время сотрудничал с большевиками и входил в состав Петроградского военно-революционного комитета. Скорее всего, это жена Сорокина каким-то образом вышла на Крамарова и добилась от него участия в судьбе супруга.

Оказавшись на свободе, Сорокин, не задерживаясь долго в Петрограде, вместе с женой спешно уезжает в Москву. В первопрестольной еще продолжалась деятельность анти-

большевистских групп, таких как «Союз возрождения России», основанный кадетами, эсерами и народными социалистами, а также «Союз защиты родины и свободы» под руководством Б. В. Савинкова. Сорокин стал сотрудничать в редакции газеты П. Струве «Возрождение». Но первый же выпуск газеты был захвачен и уничтожен большевистскими агентами, а редакция разгромлена.

И снова Сорокин оказался в роли «мышки», за которой неусыпно наблюдала все более жаждущая крови «кошка».

В конце мая 1918 года Сорокин (как депутат Учредительного собрания и по поручению партии) отправляется в свой избирательный округ — Вологодскую губернию, для организации там антибольшевистского мятежа. Перед отъездом он встретился со своим бывшим босом — А. Ф. Керенским, который скрывался в Москве на конспиративной квартире. Тот попросил своего верного секретаря вывести из Москвы его жену и детей. Сорокин выполнил просьбу и поселил близких министра-председателя в Коми крае в деревне Кочпон у родственников своего друга архитектора А. Холопова. Но бегство не спасло Ольгу Львовну Керенскую от набиравшего силу «красного террора». Осенью 1918 года она вместе с детьми была арестована местными чекистами и отправлена в Великий Устюг. Дальнейшая их судьба неизвестна.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Приступая к выполнению порученной миссии, Сорокин вместе с товарищем по партии Николаем Чайковским попробовал пробраться в Архангельск, где при помощи британских экспедиционных сил планировалось свержение власти большевиков. Но на пароходе Сорокина несколько раз чуть не опознали рыскавшие повсюду большевистские агитаторы, да к тому же до него дошли устрашающие слухи о звер-

ства архангельских чекистов под предводительством начальника особого отдела ВЧК в северных областях Михаила Кедрова. Сославшись на то, что ему необходимо закончить подготовку свержения коммунистического режима в устюжско-котласском регионе, Сорокин вернулся в Устюг.

Лето 1918 года депутат Учредительного собрания Питирим Сорокин провел в родном Яренском уезде, агитируя против большевиков. Сведений о его деятельности не много. Известна двухчасовая лекция «О текущем моменте», прочитанная им в Яренске 13 июня 1918 года при большом стечении обывателей. Интересен тот факт, что председателем исполкома и уездным военным комиссаром в Яренске в то время был давний приятель прибывшего эмиссара — Федор Коковкин, тот самый, который приютил Питирима еще в первый его приезд в Санкт-Петербург. Так что Сорокин мог чувствовать себя в какой-то мере в безопасности. Тем более что в начале августа в Архангельске высадились союзники, большевики в панике бежали, и власть перешла правительству во главе с Николаем Чайковским.

Но к осени ситуация в корне изменилась. Большевики оправившись от поражения, собрали свежие силы и сформировали новый Северный фронт. 14 сентября 1918 года в Яренск прибыл большевистский отряд во главе с Розалией Землячкой и разогнал проэсеровский Совет крестьянских депутатов. В середине сентября Сорокин узнает, что местные чекисты интересуются его деятельностью (скорее всего, Сорокина предупредил все тот же Коковкин), и спешно уходит в леса.

Новая власть усилила контроль за железной дорогой и пароходами. По деревням и селам стали курсировать патрули из латышских стрелков, отлавливая «беглую контру».

В компании нескольких товарищей по партии Сорокин решает пробираться в Архангельск пешком, но сначала нужно было затаиться на некоторое время, чтобы замести следы. Разделившись на несколько малочисленных групп, беглые эсеры рассредоточились в окрестностях Устюга. Со-

рокин переходил из одного села в другое, нигде долго не задерживаясь. Местные крестьяне по старой памяти помогали своему земляку, подкармливали, пускали на ночлег. Через них он узнавал о последних новостях, которые становились все тревожнее и страшнее. Так, до Сорокина дошло известие, что его старший брат Василий, участвовавший в антибольшевистском сопротивлении, был захвачен в плен и расстрелян чекистами. Затем он узнал, что в Великом Устюге арестован и брошен в тюрьму его младший брат Проконий, а сам Питирим объявлен «врагом коммунистов № 1», и за его голову обещано денежное вознаграждение. В такой обстановке появляться в селах стало совсем невозможно. И тогда Сорокин вместе с одним товарищем по партии, на которого тоже была объявлена охота, принимают решение уйти глубже в лес. Закупив провиант, оружие и боеприпасы, эсеры покинули свой последний приют и растворились в дебрях непролазных северных лесов.

Отыскав охотничью сторожку, беглецы решили обосноваться в ней. Оказавшись вдали от опасности на лоне величественной природы, товарищи приободрились. Днем они собирали грибы и ягоды, охотились, а вечером разводили костер, готовили ужин, беседовали, вели дневники и читали. Но через пять дней припасы иссякли, и снова нужно было отправляться в село. Первым пошел друг Сорокина. Через три дня он вернулся чуть живой с пустыми руками и рассказал, что еле унес ноги от красных патрулей.

Голод гнал подпольщиков из леса. С риском для жизни они по ночам пробирались в села, стучались в дома знакомых крестьян и, получив кое-какой провиант, тут же уходили обратно в лес.

В мучительных скитаниях прошло почти два месяца. С наступлением зимы оставаться в лесу было уже невозможно. Изможденные и опухшие от голода, друзья решаются по одиночке пробираться в Устюг.

Прошагав почти 50 верст по лесным тропам, Сорокин в вечерних сумерках вошел в город и благополучно добрал-

ся до конспиративной квартиры, где его приютили товарищи по партии. Несколько дней Сорокин отъедался и отсыпался. Вскоре к нему присоединилась и жена Елена. Вместе они стали анализировать перспективы своей дальнейшей жизни в коммунистической России. Результаты анализа были удручающие. Сорокина, как одного из лидеров эсеровской партии и зачинщика антибольшевистского мятежа в Архангельской губернии, ждал только один исход — смертная казнь. Продолжать борьбу с новым режимом не было сил... А что, если попробовать покаяться? Да, публично отказаться от контрреволюционной деятельности! Ведь, в конце концов, Сорокин из крестьян, боролся за свержение царизма. Ну, ошибся, запутался... И у супругов возникает, хотя и рискованный, но обнадеживающий план о выходе из подполья и реабилитации перед новой властью.

Для начала Сорокин написал письмо Северо-Двинскому губисполкому о сложении с себя депутатских полномочий и выходе из партии эсеров. В нем же он изложил основные мотивы, побудившие его к этому шагу:

«1) ввиду резко изменившихся со временем выборов в Учредительное собрание политических и социальных условий страны, а ровно и политического настроения народа, я не могу считать себя правильным выразителем воли народа;

2) ввиду того же обстоятельства и чрезвычайной сложности современного внутригосударственного положения я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и брать на себя ответственное дело политического руководства и представительства народных масс.

К этим общественно-политическим мотивам должен еще присоединить мотив личного характера. Он состоит в моем горячем желании вернуться к прерванной чисто научной работе и к работе по культурному просвещению народа. Истекший год революции научил меня одной простой истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезной, но и может быть общественно вредной, работа же в области науки и народного просвещения — всегда полезна и всегда нужна народу, в особенности же в

эпоху коренного переустройства всей государственной и общественной жизни».

Это письмо-откровение через свою родственницу Катерину Покровскую попало председателю губисполкома И. М. Шумилову, который являлся мужем Покровской. Тот, по родственному, согласился напечатать «отречение» в местной газете «Крестьянские и рабочие думы». Статья, снабженная редакционными комментариями, появилась 29 октября 1918 года, а уже на следующий день Сорокин пошел сдаваться в губернское ЧК. Там его арестовали и препроводили в Велико-Устюгскую тюрьму. В своих воспоминаниях Сорокин утверждает, что в ЧК его приговорили к расстрелу, но никаких подтверждающих документов на этот счет нет. И хотя в то время никто сильно не заботился о формальной стороне дела, все же историю со смертным приговором следует считать авторским вымыслом, который таким способом старался скрыть истинную историю своего ареста.

А история развивалась по строго намеченному плану. Как только Сорокин сдался чекистам, его верная супруга Елена спешным порядком выехала в Гам к родственникам Сорокина — Покровским, в доме которых Питирим Александрович хранил свой неприкосновенный золотой запас. Интересно происхождение этого золота. Оказывается, Сорокин, еще будучи студентом и участвуя в летних экспедициях по родному Коми краю вместе со своим знаменитым земляком и учителем профессором Каллистратом Жаковым, не только занимался собиранием фольклора и этнографических данных, но и выменивал у крестьян золотые монеты на ассигнации. Трепетное отношение к драгметаллам воспитал в Питириме еще его отец — золотых дел мастер. Вот этот капитал и пошел на подкуп губернских чекистов, чтобы они раньше времени не пустили раскаявшегося эсера в расход.

Свое пребывание в Велико-Устюгской тюрьме Сорокин подробно описал в автобиографическом труде «Дальняя дорога». Его строки полны фаталистической риторики. Автор представляет себя доведенным до отчаяния человеком,

целиком и полностью отдавшимся в руки «кровожадному богу — Революции».

«Я был в царстве смерти... С шести вечера до полуночи я со страхом прислушиваюсь к звукам тяжелых шагов, раздающихся в коридорах тюрьмы. Именно в это время „красные попы“ приходят за ежедневными жертвами своему „богу“. За мной или не за мной? Когда шаги удаляются, я говорю себе: „Твой черед еще не пришел“».

Но на самом деле Сорокин знал, что золото, доставленное Еленой в Устюг, выдернуло его из общей массы «очередников». Он с нетерпением ждал, когда же заработает следующий этап плана спасения. Шумилин не только напечатал отречение Сорокина в газете и подкупил чекистов, но и сообщил через своих знакомых большевистских деятелей о нависшей над Сорокиным угрозе Георгию Пятакову и Льву Крахану. С ними Сорокин был знаком еще со студенческой скамьи, и теперь они оба стали членами Совета народных комиссаров, возглавляемого Лениным (Крахан — комиссаром иностранных дел, Пятаков — комиссаром промышленности и торговли). Народные комиссары вспомнили давнего приятеля по студенческим попойкам и вместе с письмом Сорокина, напечатанным в «Крестьянских и рабочих думках», отправились к вождю. Ильич, как великий мастер политического маневрирования, увидел в этом покаянном письме известного правого эсера возможность привлечь на сторону большевиков определенную часть противников нового режима. Он распорядился перепечатать отречение Сорокина в газете «Правда», а на следующий день — 21 ноября 1918 года — на страницах той же газеты появляется статья уже самого Ленина под название «Ценные признания Питирима Сорокина», где вождь пролетариата призывал всех контрреволюционеров образумиться, как это сделал эсер Сорокин, и приглашал к сотрудничеству.

Шумиха, поднятая вокруг «письма» Сорокина большевиками, спасла автору жизнь, но нанесла смертельный удар по его политической репутации. Все бывшие соратники Сорокина записали его в предатели.

Правда, для самого «вероотступника» это обстоятельство уже не играло никакой роли. Оказавшись «лицом к лицу со смертью», Сорокин сделал свой выбор: лучше быть живым предателем, чем мертвым контрреволюционером. Он решил навсегда отойти от политики, чтобы вновь вернуться к научной деятельности.

По личной телеграмме Ленина Сорокина из Велико-Устюгской тюрьмы перевезли в Москву и там в тот же день освободили, снабдив всеми необходимыми документами.

Отсидевшись несколько дней у своего московского друга профессора Н. Кондратьева, Сорокин уехал в Петроград.

КАРЬЕРА «СОВЕТСКОГО ПРОФЕССОРА»

Бывшая столица бывшей Российской Империи встретила «блудного сына» неприветливо. Личная квартира Сорокина оказалась занятой незнакомым ему еврейским семейством, все имущество, книги и почти все рукописи исчезли. Остро встал вопрос о пропитании.

Питирима приютили соседи по дому — семейство Дармалатовых. Благо в их квартиру планировалось вселение квартирантов, и они с радостью согласились отдать отчужденные у них комнаты знакомому человеку. Вскоре в Петроград к мужу приехала и Елена Петровна.

Постепенно Сорокин стал налаживать утраченные связи в академической среде. В конце декабря он восстановился в числе преподавателей юридического факультета Петроградского университета, где со второго полугодия начал читать курс лекций по «Уголовной социологии». Также он был избран профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства. Сорокин хватался за любую возможность получить дополнительные средства к существованию, так как карточки на продукты, табак и одежду, которые полагались профессорам и дру-

гим «полупаразитическим» гражданам, были «второй категории», их хватало только на полуголодное существование. Профессор заполучил заказы на написание учебников по праву и социологии, а также возобновил переговоры с издателем Ф. Седенко по созданию своего второго фундаментального труда «Система социологии».

Жизнь в Петрограде зимой 1919 года еле теплилась. Голод, антисанитария и разруха унесли жизни многих коллег и соратников Сорокина. «Депрессия охватывала меня каждый раз, когда я приходил в университет. В здании его больше не слышались молодые голоса и смех. Оно было погружено в темноту. Лекции читали только по вечерам. Все лекции и семинары проходили в студенческом общежитии, где теперь мало кто жил».

Правда, лекции по социологии, читаемые Сорокиным в университете, собирали большую аудиторию, часто приходили на них и преподаватели других факультетов. Сорокин объяснял это тем, что социология в создавшихся условиях стала жизненно важным предметом. «Я не играл в политику, но всегда излагал научные данные, безотносительно, поддерживают они коммунистическую идеологию или нет. Быть социологом в таких условиях невероятно трудно, но я старался быть честным».

Кроме студентов и преподавателей, на лекциях присутствовали и информаторы ЧК. Приглядывался к деятельности профессора Сорокина и комиссар образования Луначарский. Надеясь на реализацию схемы сотрудничества, обозначенную Лениным, Луначарский предложил Сорокину пост народного комиссара петроградских высших учебных заведений. Но Сорокин, сославшись на большую занятость, умело отказался.

Он действительно усердно трудился почти в нечеловеческих условиях над своей «Системой социологии».

«Я сидел, закутавшись во все одеяла и платки, в перчатках, с ногами, обернутыми тряпками. Время от времени я вставал и делал упражнения, чтобы разогнать застывшую

в жилах кровь. После обеда и вечерами я уходил на работу, пешком от одного института до другого, по 10—12 верст в день. Вымотанный этими усилиями и голодом, я рано ложился спать, если только не подходила моя очередь дежурить всю ночь. Вот так мы и жили в „Российской Совершенно Фантастической Советской Республике“, как мы называли РСФСР», — пишет о тех временах Сорокин.

К весне 1920 года два тома «Системы социологи» были написаны. В этой работе Сорокин, по собственному признанию, попытался запечатлеть «смутный абрис социологической науки».

Вот несколько основополагающих тезисов сорокинской «Системы».

Вся социология делится на *теоретическую* и *практическую*. В свою очередь, теоретическая социология распадается на три основных отдела:

1) «...на *социальную аналитику* (или социальную анатомию и морфологию), изучающую строение населения». Она дробится на два подотдела: социальную аналитику, изучающую строение простейшего социального явления, и социальную аналитику, изучающую строение сложных социальных единств, образованных путем той или иной комбинации простейших социальных явлений;

2) «...на *социальную механику*, изучающую социальные силы и социальные процессы». Она делится на три части: учение о раздражителях человеческого поведения и факторах социальных процессов, учение о физиологических процессах в среде любой социальной группы, и третья часть изучает механику социальных процессов на анализе судеб личности с момента ее появления и до момента ее смерти;

3) «...на *социальную генетику*, или теорию эволюции общественной жизни и отдельных ее сторон, исследующую законы развития последних явлений <...> ее можно иначе назвать теорией социальной эволюции».

Практическая социология или «социальная политика, подобно прикладной медицине, должна быть системой рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социаль-

но-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни <...> для наилучшего использования социально-психической энергии».

Это видение структуры социологического знания Сорокин пронесет сквозь все годы своей научной деятельности. Многие версии и наброски двухтомника «Системы социологии», выпущенного в Советской России, он будет использовать и разрабатывать в своих работах американского периода.

Сдав рукопись издателю, Сорокин некоторое время занимается решением бытовых вопросов. Дело в том, что весной 1922 года Елена Петровна тоже получила работу в Сельскохозяйственной академии, и супруги решили перебраться из Петрограда в Царское Село. Там они получили две небольшие комнаты и клочок земли для ведения своего подсобного хозяйства. После двух голодных, холодных лет, проведенных в разрушенном Петрограде, жизнь среди царских дворцов и парков, пусть и отданных под детские колонии, показалась Сорокиным раем. В свободное время они бродили по паркам старого императорского городка и предавались мечтам о былом величии России. В эти минуты Сорокин особенно остро ощущал, что и он виновен в этой трагедии под названием русская революция.

В апреле 1922 года Сорокин в публичном шестичасовом диспуте блестяще защитил докторскую диссертацию по двухтомнику «Система социологии». Кстати, он был первым в истории русской науки, кого признали достойным звания «доктора социологии» (вторым был К. Тахтарев).

После выхода в свет «Системы социологии» нападки в коммунистической прессе на Сорокина усилились. Теперь его прямо называли «идеологом контрреволюции». Отказавшись от политической борьбы, Сорокин не смог отречься от своих научных взглядов на развитие человеческого общества, которые противоречили материалистическому марксистско-ленинскому учению. Не вдаваясь в подробности этих противоречий, в печати раздавались провокационные вопросы: «Как долго Чека будет терпеть деятельность этого

человека?», «Настало время уничтожить таких людей раз и навсегда!»

И снова Сорокин почувствовал, что «лед под его ногами стал слишком тонким». Он срочно принял несколько предупредительных мер. Во-первых, не стал регистрироваться по новому месту жительства и практически не появлялся по старому адресу. Во-вторых, после публичных лекций, речей или же публикации статей «идеолог контрреволюции» никогда не ночевал дома. Такая предосторожность несколько раз спасала его от ареста.

Но, как говорится, нет худа без добра. Именно на почве критики коммунизма Сорокин сошелся и крепко сдружился с академиком И. Павловым. Совместно они организовали «Общество объективного изучения человеческого поведения», в котором Павлов был почетным руководителем, а Сорокин — действующим. Однако научные работы Павлова казались коммунистическому начальству более далекими от политики и идеологии, чем социологические труды Сорокина. Поэтому власти терпели «чуждачества» Павлова, издавали его труды и стремились всячески помочь академику материально. А вот новую книгу Сорокина «Влияние голода на человеческое поведение, социальную жизнь и социальную организацию», законченную им в мае 1922 года и подготовленную к печати в кооперативном издательстве «Колос», цензура сначала безжалостно искромсала, а затем и вовсе запретила. И не удивительно: в этой книге Сорокин проводит мысль о том, что тоталитарная идеология и голод — близнецы, что грубо сколоченному недемократическому режиму, построенному на принципе материального распределения не по заслугам перед страной и обществом, а перед руководящей партией, не выгодно изобилие, и продовольственная проблема тут будет решаться вечно, а голод будет выступать политическим орудием. Большинство революций, делал вывод Сорокин, в конечном счете разбивается при неверной деревенской политике. Политика большевиков в отношении деревни чревата голодом».

В книге приводились ужасающие статистические данные, которые Сорокин собрал во время двухнедельной экспедиции по охваченным голодом районам Самары и Саратова осенью 1921 года.

«Ранее я изучал голод в городе, используя себя как объект наблюдения, а сейчас у меня была лаборатория необъятных размеров — голодающие деревни и села России, — вспоминал Сорокин свое впечатление о картинах массового голода. — То, что я узнал там, в этих страшных губерниях, превосходило любой научный опыт. Моя нервная система, привыкшая ко многим ужасам в годы революции, не выдержала зрелища настоящего голода миллионов людей в моей опустошенной стране. И хотя я оказался не способен проводить там исследования в полном объеме, я многое приобрел просто как человек и еще более укрепился во враждебном отношении к тем, кто принес такие страдания людям».

Ежедневные наблюдения сцен человеческого страдания, вызванных насилием и лишениями, обращают Сорокина к авторитету Федора Достоевского. Именно в этот период он пишет статьи и читает лекции «Достоевский как социолог» и «Нравственные заветы Достоевского». Бывшему революционеру, которого товарищи по борьбе называли «неистовый Питирим», становится понятна и близка позиция писателя, который заявлял, что ему не нужна «вообще гармония», если за ней стоит хоть «одна слезинка ребенка». Перед взором Сорокина вопил и корчился от боли целый народ, и он подвел окончательную черту под своим революционным прошлым: тотальный утопизм всеобщего счастья через насилие — роковое заблуждение нашего века.

Противоречия между убеждениями Сорокина и деятельностью коммунистических властей постепенно перерастали в открытое противостояние. После подавления кронштадтского мятежа в Петроградском университете среди студентов и профессорского состава прошли массовые аресты. Чекистами было сфабриковано дело о так называемой «Петроградской боевой организации», на роль руководителя которого

выбрали профессора В. Н. Таганцева. В общей сложности было расстреляно около 60 человек. Сорокин чудом избежал репрессий, его всего лишь уволили из университета.

В начале 1922 года началась открытая травля Сорокина в печати, его критиковали Ленин, Троцкий, Зиновьев и многие другие представители власти. Вождь пролетарской революции не простил Сорокину того, что тот не принял протянутой ему в 1918 году руки дружбы и сотрудничества. А после показательного процесса против правых эсеров Сорокин окончательно утвердился в мысли, что если он не покинет страну Советов, то вопрос о его ликвидации — лишь вопрос времени.

К счастью, Ленин сам решил избавиться от своих непримиримых идеологических врагов, выслав всю верхушку общественно активной интеллигенции, голос которой становился все слышнее и слышнее по мере оживления страны в годы НЭПа.

10 августа 1922 года Сорокин выезжает в Москву по служебным делам. Как всегда, он останавливается у своего давнишнего друга профессора Кондратьева, но на следующий день того арестовывают. Сорокин направился к другому товарищу, но его тоже увезли чекисты. В течение одного дня в Москве было арестовано более 150 человек — ученых, профессоров, писателей и наиболее активных студентов. В Петрограде происходило то же самое, Сорокин понял это, получив от жены телеграмму: «Задержите моего сына в Москве. Дома скарлатина».

Сорокин остался в Москве, где его мало кто знал в лицо, и где он мог находиться в относительной безопасности. Вскоре в «Правде» появилась статья Троцкого, в которой объявлялось, что арестованных ученых и профессоров не казнят, а вышлют за пределы страны.

И действительно, через некоторое время арестованных начали выпускать, взяв с них две расписки. Первая — о том, что в течение 10 дней человек покинет страну. Вторая — если вернется в Россию без разрешения Советского правительства, будет казнен.

Сорокина такие условия полностью устраивали. И он решается повторить свой уже апробированный прием — явку с повинной.

Жена и друзья уговорили его не делать этого в Петрограде, так как здесь его, если не расстреляют, то уж точно сошлют в Сибирь, а не за границу.

Сорокин согласился с доводами близких и, съездив домой за вещами, вернулся в Москву напрямик в центральное ОГПУ.

«Моя фамилия Сорокин, — заявил он чиновнику, ведающему делами высылаемых ученых и преподавателей. — Ваши товарищи в Петрограде собираются арестовать меня, но я был в это время в Москве. Я пришел к вам, чтобы выяснить, что вы хотите сделать со мной».

После короткого пререкания чиновник сунул Сорокину на подпись положенные при высылке расписки и отправил в Наркомат иностранных дел за паспортом.

Насчет сборов хлопотать не было нужды. «Все свое ношу с собой», — бравировал Сорокин. Напоследок он решил навестить своих спасителей времен 1918 года Пятакова и Крахана, а заодно и попросить о содействии в ускорении получения заграничного паспорта. Но старые друзья встретили опального профессора без энтузиазма, правда, паспорт получить все же помогли. Примечателен последний разговор Сорокина с Пятаковым, который к тому времени занимал пост заместителя председателя ВСНХ.

— Пятаков, позволь узнать, ты на самом деле веришь в то, что вы строите коммунистическое общество?

— Конечно, нет, — честно ответил он.

— Значит, вы понимаете, что эксперимент не удался, и вы строите буржуазное общество. Тогда почему вы высылаете нас?

— Ты не принимаешь во внимание того, что в России идут параллельно два процесса, — пояснил Пятаков. — Один из них — восстановление буржуазного общества; другой — приспособление Советского правительства к этому обществу. Первый процесс протекает быстрее, чем второй. Это несет угрозу нашему существованию. Наша цель — за-

морозить развитие первого процесса. Вот почему вас выдворяют за границу. Возможно, через 2—3 года мы пригласим вас вернуться обратно.

— Благодарю покорно, — сказал я, — надеюсь вернуться в мою страну без вашего разрешения.

Но ни предположениям Пятакова, ни надеждам Сорокина не было суждено осуществиться. Через 5 лет после этого разговора Пятаков был исключен из партии, а в 1937-м расстрелян. Сорокин же так никогда и не увидел своей родины ни с разрешения, ни без него.

23 сентября 1922 года Питирим Сорокин в сопровождении своей жены Елены Сорокиной покинул страну Советов. С собой у четы Сорокиных было два саквояжа, набитых рукописями, дневниками и книгами, и денег 50 рублей. На вокзале собралась толпа провожающих. Было много объятий, цветов и слез.

В 1924 году за границей вышла книга под названием «Листки из русского дневника». В ее основу легли дневниковые записи Сорокина, которые он вел с начала Февральской революции и до того момента, как был выслан из страны в 1922 году. Заканчивается она следующими словами: «Что бы ни случилось в будущем, я знаю теперь три вещи, которые сохраню в голове и сердце навсегда. Жизнь, даже самая тяжелая, — это лучшее сокровище в мире. Следование долгу — другое сокровище, делающее жизнь счастливой и дающее душе силы не изменять своим идеалам. Третья вещь, которую я познал, заключается в том, что жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не сумеют создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении».

Эти знания, вынесенные из горнила революционных катаклизмов, лягут в основу начавшейся еще в России и завершенной уже в Америке переоценке всей системы личностных ценностей, философских и социологических взглядов Питирима Сорокина.

ЭМИГРАНТ

Вырвавшись из тисков тотального идеологического и физического контроля советских властей, Сорокины окунулись в радостную эйфорию неожиданно обретенных свободы и безопасности. Ни скудость финансов, ни неопределенность будущего не могли помешать им чувствовать себя возрожденными и счастливыми. Тем более что уже на четвертый день пребывания в Берлине Сорокин получил из чехословацкого посольства приглашение от президента Мазарика приехать в Прагу в качестве официального гостя страны.

Чешское правительство очень лояльно относилось к русским эмигрантам, бежавшим от «красного террора». Прага стала центром притяжения для многих заметных ученых, писателей, художников, представителей духовенства, политиков и военных. С помощью чешского руководства они основали в Праге русский университет, создали литературные, музыкальные, театральные и политические центры. В этой обширной эмигрантской колонии кипела напряженная научная, культурная и общественно-политическая жизнь. Вот в нее и влился Сорокин, получив от Мазарика предложение читать лекции в пражском университете Шарля. Кроме того, Мазарик положил Сорокину специальную стипендию, как и другим русским ученым.

Сорокины сняли скромную комнату в доме под Прагой и зажили «упорядоченно и по-человечески». Госпожа Сорокина занималась цитологическими исследованиями в университетских лабораториях у профессора Богумила Немеца, а господин Сорокин работал в пражских библиотеках, читал лекции, участвовал в работе различных комитетов, куда его избирали как редактора журнала «Крестьянская Россия». Этот журнал организовали бывшие товарищи Сорокина по эсеровской партии — А. А. Аргунов и С. С. Маслов.

Многие эмигранты из окружения Сорокина продолжали верить в неминуемый крах коммунистического режима в России и жили ожиданиями скорого возвращения на ро-

дину. Соответственно они постоянно были заняты политическими делами и строительством разнообразных планов и проектов по переустройству разоренной страны.

Сорокин же, оценив вкус жизни в цивилизованной стране, твердо решил не вмешиваться в политику и целиком окунулся в научную работу. В то время как его соотечественники спорили о дальнейшей судьбе России и русского народа, Сорокин интенсивно изучал социологические труды западных ученых, которые ему были недоступны в годы революции. Читая публичные лекции в Праге, он опубликовал эти лекции в книге «Современное состояние России» (1923). Всего за 9 месяцев пребывания в Чехии Сорокин издал 5 книг, в том числе и сокращенный вариант «Системы социологии».

Так же активно Сорокин трудился и над обзаведением новых интересных и полезных связей. В Праге он познакомился и сдружился со многими русскими учеными — П. Струве, Н. Лосским, И. Лапшиным, П. Новгородцевым, Е. Зубашевым, а также с видным чешским социологом А. Блаха. Все эти усилия стали приносить завидные плоды, и вскоре Сорокин получил приглашение от двух уважаемых американских социологов Эварда Хайеса из университета штата Иллинойс и Эдзарда Росса из Висконсинского университета приехать в Америку и почитать лекции о русской революции.

По части социологии Америка уже была впереди планеты всей, и Сорокин не задумываясь принимает предложение, надеясь закрепиться и обосноваться за океаном надолго и всерьез.

Без труда получив чешский паспорт, Сорокин в октябре 1923 года отправляется в путешествие. Жена Елена, в целях экономии средств, осталась дожидаться результатов заокеанского вояжа мужа в Праге.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НОВОМ СВЕТЕ

Хотя лекции в университетах Иллинойса и Висконсина были запланированы на январь—февраль 1924 года, Сорокин выехал в Новый Свет на два месяца раньше, чтобы подтянуть свой разговорный английский. Он рассчитывал, что накопленные в научных и политических кругах связи помогут ему зацепиться в новой стране.

Расчет оправдался. Прибыв в октябре 1923 года в Нью-Йорк, Сорокин очень скоро был введен в общество видных американских интеллектуалов, политиков и деятелей культуры. Это помогало ему удерживаться на плаву и добывать минимальные средства для проживания. Так, группа дореволюционных и послереволюционных эмигрантов из России пригласила его почитать лекции о русской революции и даже в качестве оплаты подарила соотечественнику теплое пальто.

Кое-как обустроившись, Сорокин целиком и полностью отдался изучению английского языка. С этой целью он ежедневно посещал разного рода публичные лекции и собрания, проповеди в различных церквях, где слушал английскую речь, и сам старался говорить при любой возможности.

Вскоре Сорокину поступило приглашение от президента Вассар-колледжа Генри Н. Мак-Кракена приехать в Вассар и продолжить свою подготовку к предстоящим лекциям в стенах колледжа на полном пансионе. Сорокин воспользовался помощью своего приятеля, с которым познакомился еще в Чехословакии на одном из обедов у президента Масарика, и в течение 6 недель совершенствовал свой английский в компании преподавателей и студентов Вассар-колледжа. В конце пребывания в колледже Сорокин, в качестве своеобразного экзамена, прочитал первую свою лекцию на английском языке. Аудитория выслушала его с «сочувственной терпимостью» и присвоила звание «выпускника Вассар-колледжа».

Попрощавшись с новыми друзьями, Сорокин в январе 1923 года выехал в городок Урбана, где располагался Ил-

линойский университет. Там его встретил председатель факультета социологии профессор Эдвин Сазерленд. Он помог Сорокину получить комнату в университетском городке и определил время и место проведения лекций.

Несмотря на «приблизительный» английский, лекции Сорокина, озаглавленные им как «Социология революции», вызвали значительный интерес и противоречивую реакцию. Слушатели, враждебно настроенные к коммунизму, встретили его благосклонно, но была либеральная и радикальная часть слушателей, которая романтически воспринимала идеи далекой коммунистической революции, увлекалась ими и не хотела верить пришлому лектору, упирающему в своих речах на деструктивность, жестокость и зверства пяти первых лет большевистской власти в России. Сложившаяся оппозиция всячески пыталась дискредитировать сорокинские лекции, а самого лектора выставить как одного из тех невежественных политических эмигрантов, которых Советская власть лишила кормушки и вышвырнула за пределы страны.

Примерно такая же реакция на лекции Сорокина последовала и в университете Висконсина, куда он переехал, закончив курс в Иллинойсе. Но Сорокин упорно продолжал свою лекторскую деятельность, приобретая все больше и больше сторонников и защитников в интеллектуальных кругах Америки. Его пригласили выступить на семинаре в Чикагском университете, прочитать пару лекций в Университете Мичигана и провести летнюю сессию в Университете Миннесоты. Кроме того, к весне 1924 года Сорокин закончил рукопись книги «Социология революции», договорился о ее переводе на английский язык для издания в социологической серии издательства «Липпинкотт» и приступил работе над книгой «Листки из русского дневника» для «Э. П. Даттон энд компании».

Видя постоянный и все более возрастающий интерес к своей персоне; Сорокин почувствовал уверенность, что со временем он сможет занять подобающее положение в научном мире Соединенных Штатов, и решил навсегда остаться

ся в этой стране. Закончив выступления в университетах Висконсина и Иллинойса, он вернулся в Нью-Йорк, снял комнату в Лорелтоне на Лонг-Айленде и вызвал из Чехословакии жену.

В конце марта 1924 года супруги вновь воссоединились на берегах Нового Света и теперь уже вдвоем стали бороться за осуществление своей «американской мечты».

В УНИВЕРСИТЕТЕ ШТАТА МИННЕСОТА

Курс летней сессии 1924 года в Миннесотском университете был посвящен социологии революции и социальной морфологии. Сорокин провел его профессионально безупречно и стал «приглашенным профессором» для факультета социологии на следующий академический год с окладом в 2000 долларов, что было в два раза меньше, чем ставка ординарного профессора во многих университетах того времени. Но это не испугало Сорокина, с детства закаленного материальными лишениями. Он с присущей ему неистовостью приступил к исполнению новых обязанностей. Качество его преподавательской деятельности неуклонно росло с каждым годом, заставляя администрацию увеличивать жалование. Через 5 лет Сорокин получал уже полное профессорское содержание.

Елена Петровна старалась не отставать от своего супруга-трудоголика. Она продолжила аспирантские занятия, начатые еще в России, и к 1925 году получила степень доктора наук по ботанике в университете Миннесоты. Приняв предложение занять место профессора ботаники в Хэмлинском университете города Сент-Пол, Елена Петровна все время оставалась рядом с мужем, продолжая свои исследования в лабораториях университета Миннесоты.

1925 год стал знаковым и для самого Сорокина — вышла в свет его первая академическая книга на английском языке

«Социология революции». В сущности, она стала третьим томом «Системы социологии». В ней рассматривалось поведение людей из различных социальных групп во время революции, а также исследовался характер неизбежных пост-революционных изменений в составе общества. Любая революция, пишет Сорокин, влечет механическое перемещение человека, взятого индивидуально и коллективно в различной социальной среде, под которой понимается особое состояние, напластование, комбинация социальных групп. Революция нарушает обычную комбинацию, перетряхивает состав групп, какие-то группы уничтожает, создает новые. В этом процессе Сорокин выделяет несколько фаз:

«Первая, короткая фаза, — эмоциональный, волевой, интеллектуальный протест против власти и ее разложения; вторая — „половодье“ — идет механическое перемещение людских составов верхних и низших ступеней социальной лестницы, часто эти перемещения сопровождаются террором и свирепыми войнами; последняя фаза — „река входит в свои берега“ — социальный порядок восстанавливается».

Далее Сорокин описывает изменение языка людей и приводит примеры словотворчества в эпоху революции, отмечает изменения одежды, семейно-сексуальных отношений, питания, нарушения генетического облика нации. Ученый выделяет «особое состояние революции» — потерю «исторической памяти» народа, поскольку каждая великая революция хочет начинать историю с даты собственного рождения. Отсюда культурное варварство и нигилизм по отношению к собственному прошлому, другим культурам.

Исследовав в общей сложности около 70 известных человечеству революций, Сорокин делает вывод: итоговый «позитив» каждой революции можно было достичь реформами, избежав тем самым огромного потока крови, неоправданного уничтожения материальных и духовных ценностей.

Обретя некое подобие стабильности и материального достатка, у Сорокина словно открылось второе дыхание. Уже к

1927 году он заканчивает свою вторую американскую книгу «Социальная мобильность», которую можно считать четвертым томом «Системы социологии». В 1928 году выходит важнейшее исследование «Современные социологические исследования». Эта книга долгое время служила учебником социологии во многих американских университетах. В 1929 году совместно с молодым ученым социологического факультета К. Циммерманом Сорокин выпускает «Принципы сельско-городской социологии», и в 1930—1932 годах три тома сводного библиографического справочника «Систематический указатель книг по сельской социологии».

Взрыв творческой энергии Сорокина произвел на деловых американцев должное впечатление, многие поняли, что по научной производительности и качеству исследований новый социолог не имеет равных.

И действительно, книги Соркина 20-х годов были не просто замечены, а осмыслены как новаторские; введенные им термины и концепции быстро приобрели международное признание, вызвали поток популярных и научных статей, книг, диссертаций. Кроме того, работы этой поры обеспечили ему почетное и действительное членство нескольких академий и королевских обществ. Его книги были переведены на европейские и азиатские языки и не раз переиздавались во многих странах. Сорокин сам констатировал свой успех:

«После появления „Социальной мобильности“ и „Современных социологических теорий“ мое имя прочно появилось на мировой социологической карте».

В чем же заключалось новаторство сорокинских идей и концепций? Дело в том, что в Америке социология той поры строилась на постулате о бесклассовости американского общества. Среди социологических авторитетов, таких как Росс, Хейс, Смолл, Гиддингс, только последний использовал понятие классов, да и то в психологическом аспекте, в виде критерия разных типов общественного сознания. Сорокин в своей «Социальной мобильности» сломал эту тра-

дицию. Он начал с того, что противопоставил межгрупповые отношения внутригрупповым. Последние он объявил более существенными, а в них выдвинул на передний план понятие *статуса* (ранга) как совокупности прав и обязанностей, власти и влияния, доступа к материальным и духовным ценностям.

По Сорокину, в любой организованной социальной группе (например, работники какой-либо отрасли, члены политической партии, представители церкви и т. д.) социальный статус всех лиц не может быть одинаковым. В неорганизованной или полуорганизованной группе (толпа на транспортной остановке, покупатели в магазине, зрители на стадионе) — статусы одинаковы. Поэтому «социальные пейзажи» в этих видах групп разнятся. В неорганизованной группе — равнина, в организованной — горы разной высоты. В организованной группе есть свои «верхи и низы», свое внутреннее расслоение или *стратификация*: директор предприятия и рядовой рабочий; партийный босс и простой член партии; епископ и послушник. Форм и видов стратификации множество. Сорокин выделяет три главные: *экономическая стратификация* (богат—беден); *политическая* (руководитель—исполнитель); *профессиональная* (мастер—подмастерье).

В итоге Сорокин сформулировал несколько закономерностей.

1. Социальная стратификация является вечной и функционально необходимой для сохранения общества. Причины стратификации — непреодолимое различие людей в умственной и физической силе, половые и возрастные различия и т. д.

2. Между всеми критериями стратификации постепенно складывается баланс, который достигается путем объединения различных линий — «богатый, управляющий, мастер» и «бедный, исполнитель, подмастерье».

3. Существующие перемещения в обществе, которые в совокупности отличаются следующими чертами: постоянным воспроизведением, массовостью, законосообразностью, изменением статуса или групповой принадлежности, — состав-

ляют *социальную мобильность* и являются последней закономерностью функционирования социокультурной системы.

Далее Сорокин провел глубокие теоретические различия между *горизонтальной* и *вертикальной* мобильностью (перемещения с сохранением статуса и перемещения с его увеличением, либо уменьшением), а также подверг скрупулезному анализу основные лифты вертикальной мобильности (армию, семью, церковь, систему образования, политические организации, профессиональные и деловые союзы), через которые совершается циркуляция индивидов «вверх-вниз» в системе страт.

Если «лифты» сломаны или закрыты, то перед нами «закрытое» общество, если они работают исправно — «открытое». В закрытом обществе в верхних стратах накапливается огромное количество вялых, дегенеративных лиц, а внизу — концентрируется энергичный, талантливый человеческий материал, не соответствующий своему положению. И эти люди начинают чувствовать себя «социально не на месте». В этом случае общество нуждается в реформах. Если они не произойдут, обществу придется расплавиваться революцией с ее стадиями — «половодьем», механическим перетряхиванием содержания страт и неизбежной затем стадией восстановления стратификации.

В книге «Современные социологические теории» Сорокин провел фундаментальное исследование по истории социологии, начиная от основателя этой науки О. Конта и до начала 20-х годов XX столетия. Созданная им классификация теорий, логику которой он заимствовал у русской школы, была найдена современными специалистами своеобразной, но не имела последователей. Хотя этот вопрос и по сей день остается открытым.

Кстати, вопросы преемственности тогда не волновали Сорокина.

«Я сделал все, что в моих силах, — говорил он своим друзьям. — Остальное — в руках Господа. Если мои книги что-нибудь значат, они завоюют признание, если не имеют

ценности, то о них со временем и не вспомнят... После вылета из семейного гнезда дети сами отвечают за свою жизнь, ее успехи или неудачи. Точно так же после публикации все зависит только от самих книг: уйти ли в небытие незамеченными или прожить какое-то время жизнью, полной энергии и смысла».

Выпустив в самостоятельную жизнь идеи о стратификации и классификации социологических теорий, Сорокин совместно с К. К. Циммерманом принялся готовить в дальнейшем плавание свои соображения по сельско-городской социологии. В результате проведенных серий исследований в 1929 году появляется детище под названием «Принципы сельско-городской социологии». И в этой работе Сорокин отличился новизной подхода к исследуемой теме. Обычно город и деревня рассматривались социологами локально. Сорокин и его соавтор предложили рассматривать эти два типа человеческого поселения целостно (в специальной литературе такой подход был назван концепцией «*сельско-городского континуума*»). Для наглядности исследователи сконструировали модель идеального города и идеальной деревни, далее выяснили их «универсальные и константные» отличия, и затем, прилагая шкалу этих отличий к любому району земли, можно было выявить степень распространения тех или иных видов поселения и главные тенденции их развития.

Книга имела успех и была высоко оценена в академических кругах. Доказательством тому является последовавшее авторам предложение от Министерства сельского хозяйства США подготовить систематизированный указатель и хрестоматию по сельской социологии. Подключив к работе еще нескольких аспирантов, Сорокин завершил труд над объемной рукописью через 16 месяцев. В 1930 году вышел первый том «Систематизированной хрестоматии по сельской социологии». Впереди были еще два тома, увидевшие свет в 1931-1932 годах.

Однако Сорокина эта кропотливая и в какой-то мере рутинная работа уже не увлекала вовсе. Наоборот, даже тя-

готила. Дело в том, что как раз в это время его сознанием и воображением все сильнее и сильнее овладевал новый замысел.

В ходе столь блистательного научного «блицкрига», который Сорокин осуществил, вторгнувшись на территорию американской академической жизни, он стал ощущать сопротивление накопленного материала своим старым теориям. «Уже в ходе Первой мировой войны я ощутил ряд разрывов в моем „научном“, позитивистском и гуманистическом мировоззрении, которое сложилось до войны». Революция и последующие несколько лет в Советской России только увеличили и преумножили эти разрывы. Находясь в США, Сорокин окончательно убеждается в том, что кризис его мировоззрения обусловлен не только субъективными ощущениями, но и является последствием кризисного состояния всего мира. Многие философы и социологи были настроены пессимистично в отношении рационального человека, позитивной ценности науки и возможности автоматического прогресса. О «закате» и «катастрофе» в Германии писал О. Шпенглер, в России — Л. Карсавин, С. Франк, Н. Бердяев, Ф. Степун. Все «розовые теории прогресса» как перехода от невежества к мудрости, от жестокости к добру, от варварства к цивилизации, от тирании к свободе, от нищеты и болезней к процветанию и здоровью, от «человека-зверя к человеку-богу» оказались иллюзией перед фактами XX века. И Сорокин начинает мучиться вопросом о причинах мирового кризиса, о возможных последствиях и путях его преодоления.

«Мне становилось ясно, какой гигантский труд требуется для этого, и как скромны мои возможности для того, чтобы адекватно справиться с такой задачей. Несмотря на эти сомнения и терзания, тема дразнила и манила меня, так что после некоторых колебаний я сделал выбор и взялся за нее. Как бы там ни было, лучше потерпеть неудачу в достижении великой цели, чем добиться успеха в скучном мелком деле!»

— так описывает Сорокин свое состояние, когда он стоял на пороге гигантского замысла, названного им впоследствии

«интегральной системой» философии, социологии, психологии и этики.

Определившись в своих целях, Сорокин неторопливо начал предварительные разработки выбранной темы. Он не сомневался, что устоявшаяся жизнь в Миннесоте позволит ему осуществить свой дерзкий замысел. Сорокин даже отказался от заманчивых предложений двух больших национальных университетов на постоянное профессорство,

Но чем ближе подступался Сорокин к теме, тем очевиднее становился тот факт, что если он хочет сделать работу на должном уровне, то одному ему не справиться. Нужна была значительная помощь ряда хороших специалистов по истории и психо-социальным наукам. А помощи ждать было неоткуда, так как у Сорокина не было денежных фондов, чтобы ее оплатить.

И тут произошло чудо. Президент Гарварда — самого крупного и самого престижного университета США — Л. Лоуэлл решил организовать первую в истории университета социологическую кафедру, и Сорокин был назван лучшей кандидатурой для выполнения этой задачи. Конечно же, такой «чудесный зигзаг удачи» имеет и вполне прозаическую подоплеку. В стране наступала «великая депрессия», назревали социальные конфликты, широко распространялись левые настроения, различные вариации марксистских идей. Правительству нужно было немедленно выстроить идеологическую плотину против всех этих настроений. Поэтому в срочном порядке в Гарварде открывается кафедра социологии, о которой начали поговаривать чуть ли не 25 лет назад, но видно, и особой надобности в ней не было, да и подходящего социолога тоже. А тут как раз и потребность возникла, и достойный кандидат с его упорным консерватизмом, готовый истреблять «коммунистическую заразу» с характерной силой и убежденностью. И как показали дальнейшие события, администрация не ошиблась в своем выборе.

В сентябре 1929 года Сорокин получил официальное письмо от президента Лоуэлла с предложением возглавить

кафедру социологии на определенных финансовых условиях и с привилегией самому выбрать факультет, где она будет организована. Сорокин ответил, что условия предложения щедры и приемлемы, но нельзя ли рассмотреть вопрос о преобразовании кафедры социологии в факультет социологии. Встречное предложение Сорокина было одобрено администрацией Гарварда, и сделка состоялась.

Прибытие в Гарвард закрывает еще один важный период в жизни Сорокина и открывает другой. Теперь он стал «легендарной фигурой» в социологии.

ПРОФЕССОР ГАРВАРДА

Переход в новый университет и заботы, связанные с обустройством на новом месте, отодвинули работу над новым замыслом на второй план. Большую часть времени Сорокин тратил на академические обязанности: подготовка к лекциям, участие в различных ученых советах и комитетах, работа по организации нового факультета.

На первый курс, путем тщательной селекции, были отобраны лучшие студенты ряда гуманитарных факультетов. Интеллектуальность первокурсников превзошла все ожидания Сорокина. Правда, в последующие годы победила идея «демократического равенства» всех факультетов, но престиж социологического факультета неуклонно рос. Сорокин воспитал множество ныне признанных американских социологов, которые сумели выставить подходящий барьер коммунистическим идеям и сохранить страну от революционных потрясений.

Организовав учебный процесс на новом факультете и при этом показав себя превосходным организатором, Сорокин лишь с 1931 года сумел вплотную приступить к реализации своего исследовательского замысла. «Гарвардский комитет исследований в социальных науках» оформил финансовый аванс под эту работу в размере 10 тысяч долла-

ров. Выделенная сумма позволила Сорокину кооперировать усилия многих выдающихся специалистов, большей частью русского происхождения. Он создал разветвленную сеть исследовательских групп, которые под его руководством осуществляли работу по добыванию и сравнению колоссальных исходных данных. На Сорокина работали русские ученые, проживающие в Париже, Праге и различных городах Соединенных Штатов: известные философы Н. Лосский и И. Лапшин, экономист П. Савицкий, историк С. Пушкарев, специалисты по военной истории, генералы А. Зайцев, Н. Головин, специалист по искусству Византии и южных славян Н. Окунев, социолог Н. Тимашев, культуролог Д. Болдарев. За весьма скромные гонорары эти крупные специалисты в своей области согласились подготовить для Сорокина многочисленные количественные схемы преобладающих ценностей и социологических отношений в то или иное время — по спискам, которые он им составил.

Никому из своих завербованных экспертов Сорокин не раскрывал главных целей, для которых ему были нужны все эти статистические таблицы и схемы. До самого выхода в свет четырехтомного исследования никто не знал, какой вид гипотезы выдвинут и какую теорию заказчик хочет построить и проверить этими многочисленными данными.

Социолог Н. Тимашев вспоминал впоследствии, как он ломал голову, для чего Сорокину потребовался материал, который он для него собирал. А этот материал охватывал сведения об общем количестве внутренних переворотов в истории Греции, Рима, Византии и главных европейских стран, а также все изменения в отношении преступлений и наказаний в уголовных кодексах Европы, начиная от варварских обычаев до позднейших советских и фашистских кодексов.

Такая конспирация понадобилась Сорокину для того, чтобы получать от своих помощников грамотно подобранные и полные выкладки фактов, относящихся к той или иной проблеме, и чтобы при этом на их подбор не влияли предварительные теоретические построения.

В течение почти 5 лет к Сорокину стекались материалы по истории философии и искусства, войн, революций и других важнейших социокультурных процессов. Ученый обрабатывал полученные данные, устанавливал причинную и логическую корреляцию между ними и сравнивал результаты со своей гипотезой.

В конце 1936 года рукопись трех томов «Социальной и культурной динамики» была закончена; они представляли собой некое единство, а четвертый, еще не готовый, том был методологическим дополнением. Сорокин решил приступить к изданию, не дожидаясь завершения последнего тома.

Наконец-то все участники грандиозного проекта получили возможность ознакомиться с основной гипотезой Сорокина, над доказательством которой они трудились.

Суть ее заключалась в том, что решающую роль в общественной жизни Сорокин закрепил за знаниями или, как называл их сам автор, «нормами-законами». Эти «нормы-законы» выступают в различных формах: от простейших — $2 \times 2 = 4$ — до обширных суперсистем, охватывающих массу людей и их взаимодействий, существующих веками, комплексно объединяющих все виды духовной деятельности: религию, науку, язык, философию, этику, право.

Именно эти культурные суперсистемы и стали предметом исследования Сорокина. Он вычленил в мировой истории три вида суперсистем, которые отличались друг от друга мировоззренческим методом создания определенных ценностей.

Если в основе мировоззренческого метода лежат органы чувств человека, то он видит мир как сумму материальных объектов, находящихся в движении, потребности у него в основном материальные и способ их удовлетворения — эгоистическая переделка природы. Сорокин называет такую культуру «чувственной», в ней царит культ эмпирической науки, промышленности, натурализма в искусстве, утилитаризма в этике. Прямо противоположная ей суперсистема — «умозрительная» — опирается на данные разума, в этой

культуре бытие видится как Абсолют, потребности — духовные, благочестивые, преобладают религиозные ценности, отношение к природе — смиренное, осмысление себя как органической части бесконечного бытия. Искусство в ней аллегорическое, этика — милосердия, альтруизма. Потребности в этой суперсистеме удовлетворяются путем внутренней переделки самого себя, аскетизма, самоусовершенствования. И существует третья суперсистема, которая стремится синтезировать в себе две предыдущие. Такой синтез протекает в короткий исторический срок — 100—200 лет, тогда как" предыдущие суперсистемы могут существовать многие столетия. Этот последний тип Сорокин называет — «*идеалистической*» суперсистемой.

Названные суперсистемы постоянно находятся в движении, одна вытесняет другую. Победа одной означает гибель другой и одновременно зарождение третьей. Отсюда Сорокин выводит главные законы мировой истории — переход от одного типа культуры к другому с коротким идеальным балансом и далее циклическое повторение, смена суперсистем.

В рамках «Западной цивилизации» Сорокин усмотрел следующую хронологию смен суперсистем: VIII—IV века до н. э. — преобладает «умозрительная» культура, IV—III века до н. э. — «идеалистическая» (век Перикла, Платона, Аристотеля), II век до н. э.—V век н. э. — «чувственная» культура. Начинается новый цикл: VI—XII века — «умозрительная» культура, XIII—XIV века — «идеалистическая» (век расцвета схоластики, Ф. Аквинский), с XV века и до наших дней — «чувственная» культура.

Основной раздел всей «Динамики» Сорокин посвятил выявлению глубочайшего кризиса современной «чувственной» культуры. Его апокалиптическое ощущение XX века, протекающего под знаком грандиозных утопических замыслов и роковых катастроф, вылилось в умную и злую критику современной культуры, эгоистичной политики, сексуальной революции, увлечения патологией и криминальной эстетикой.

Откликов на принципиально новый фундаментальный труд Сорокина было много, и они были далеко не однозначны. Одни авторы с порога отвергали теоретико-методологические установки Сорокина о решающей роли культурных ценностей в общественной жизни, выдвигая контрдовод — ценности не являются самодостаточным моментом истории, они зависимы от социального.

Другие критики стремились указать на встречающиеся в работе несоответствия между выводами о господстве того или иного типа культуры и некоторых числовых данных, приведенных в статистических таблицах и цифровых рядах Сорокина.

Были обвинения в тавтологичности и субъективизме определений «чувственной, умозрительной и идеалистической» культур.

Но и критики, и сторонники (самым рьяным пропагандистом идей Сорокина стал известный английский культуролог Ф. Коуэлл) признавали, что по обилию смелых гипотез другой подобной книги в современной социологической литературе нет.

Сам Сорокин остался доволен тем, как был встречен продукт его многолетнего труда. «Это удел всех выдающихся сочинений по истории социальной мысли: одни чрезмерно хвалят, а другие безудержно ругают их», — написал он в своих воспоминаниях.

Годы напряженного труда над «Динамикой», который приходилось чередовать с не менее утомительной преподавательской деятельностью в университете, ознаменовались для четы Сорокиных и значительными изменениями в их супружеской жизни. В 1931 году Елена Петровна родила сына Петра, а в 1933 году — Сергея. Воспитание и образование детей привнесли в напряженную жизнь супругов новые заботы и волнения. Елене Петровне пришлось на время прекратить свою научную работу.

В связи с прибавлением в семействе Сорокин озаботился покупкой собственного дома. Он давно хотел уехать из суетного Кембриджа. Супруги подыскали себе небольшой

дом в тихом провинциальном Винчестере. Больше всего их прельстил тот факт, что дом прилегал к огромному Мидлсекскому заповеднику, состоящему из лесов и озер.

В феврале 1932 года семья Сорокиных перебралась в новый дом, который они сами заново отделали. Став владельцем большого земельного участка, Сорокин принялся его благоустраивать. Он своими руками разбил сад с азалиями, рододендронами, лилиями, розами и глициниями.

«Работа в саду заменяла мне все необходимые физические упражнения, снимала надобность в психиатре, так как сохраняла спокойствие и целостность моей души, давала мне время поразмышлять, когда в голове рождались свежие идеи»,

— писал о своем увлечении Сорокин. Вероятно, недюжинность его натуры проявила себя и в этом деле. Хозяин сада получил золотую медаль Массачусетского общества садоводов. Цветные фотографии сорокинского детища красовались на страницах национальных журналов «Садоводство» и «Дом и сад».

Не потерпел фиаско Сорокин и на еще более сложном и непредсказуемом поприще — деле воспитания детей. Оба его сына хорошо учились и впоследствии пошли по стопам родителей — выбрали научную и преподавательскую деятельность. Оба закончили Гарвард. Петр получил образование на физическом факультете и стал заниматься теорией лазера, а Сергей закончил медицинский факультет. Оба опубликовали свои работы и защитили докторские диссертации. Некоторые друзья шутливо называли семью Сорокиных «миниатюрным университетом» с собственным математиком-физиком, биологом-ботаником, медицинским биологом и самозванным социологом-психологом-философом.

Чтобы отвлечься и развеяться от накопленных за время работы над «Динамикой» усталости и напряженности, Сорокин принимает приглашение Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе приехать к ним с лекциями во время летней сессии 1937 года. Он отправляется на Западное побережье на автомобиле вместе со всей семьей. Сорокины

едут через пустыню, проводят несколько дней на Большом Каньоне, посещают Брайс-Каньон и Зайонский парк.

Широкая известность «Динамики» принесла Сорокину небывалую популярность в академических кругах Лос-Анджелеса. Как вспоминал сам Сорокин, на протяжении всей летней сессии с ним «носились как с писаной торбой».

Сняв сливки слгзы в Новом Свете, Сорокин летит в Париж председательствовать на Международном конгрессе по социологии. Контакты с европейской социологией были постоянными. Сорокин печатался в журналах, переписывался и встречался со многими выдающимися социологами Европы.

Возвращаясь с конгресса в Америку, Сорокин на несколько дней заехал в Берлин, где собственными глазами наблюдал внутреннюю жизнь фашистской Германии.

«Поездка оказалась полезной и поучительной во многих отношениях. Она дала Мне возможность увидеть множество проявлений декадентской, бездуховной европейской культуры, что подтверждало прогноз, высказанный в „Динамике“ и предрекавший культурный кризис Старого Света. Упадочный характер европейской цивилизации, истощение ее творческих сил были заметны везде, куда ни кинь взгляд».

— подвел итог своему европейскому турне Сорокин.

Поездки в Калифорнию и Европу подзарядили Сорокина живительной энергией, и он засел за написание последнего, четвертого тома «Социальной и культурной динамики».

В 1941 году книга была опубликована, и таким образом завершился почти десятилетний издательский проект. И Сорокин решил, что он, наконец, «сбросил с себя ярмо и снова мог бездельничать в свое удовольствие и свободно строить новые прожекты». Но профессор ошибался, так как всю оставшуюся жизнь вынужден был постоянно возвращаться к этому проекту то в специализированных, профессиональных изданиях, то в массовых, популярных; объяснять, доказывать и комментировать основные идеи своей «Динамики».

Более того, Сорокин постепенно уходит от профессиональной печати в сторону публицистики, обращаясь к мас-

совой аудитории. Для него было ясно: диагноз современных болезней поставлен, теперь дело за лечением. Лучшим рецептом Сорокин считал прошлый опыт выхода из кризисов и создание старой «умозрительной культуры».

В различных журналах появляется множество его статей, некоторые из них разрастаются до книг. В подавляющем большинстве этих книг трактовался кризис современной культуры; материал был мрачноватым и трагичным, но Сорокин всячески старался преодолеть депрессивное настроение и продолжал описывать те нежелательные изменения, которые ожидают нынешнее и ближайшее поколения, информировать людей о неизбежности катастрофы и подсказать путь преодоления и последующей моральной реконструкции человечества.

Из-под его пера, как с конвейера, выходят: «Кризис нашего времени» (1941), «Человек и общество в опасности» (1942), «Россия и Соединенные Штаты» (1944), «Реконструкция человечества» (1948), «С. О. С: значение нашего кризиса» (1951), «Американская сексуальная революция» (1956), «Нормальный сексуальный порядок» (1961).

С завидным постоянством Сорокин излагает наиболее существенные теории «Динамики» и выводы, из них вытекающие. Он неустанно указывает на явные признаки распада искусства, кричит о том, что современная наука и техника нацелены только на покорение и уничтожение природы, пишет о деградации этики и права, крушении семьи, сексуальной вакханалии, безудержном росте преступности, душевных и физических заболеваниях, самоубийствах и убийствах — все это является свидетельством полной дезинтеграции современной чувственной западной культуры. Но Сорокин не остается голым обличителем, он предлагает выходы из кризиса.

Ученый настоятельно рекомендует правительствам и правителям всех стран незамедлительно заняться широким подключением всех интеллектуальных сил к обсуждению этого вопроса и информированию своего народа, чтобы подвигнуть его к осознанию того, что человечество стоит не

перед одним или несколькими кризисами, а перед катастрофой, связанной с переходом на новые ступени мировой истории, от одной культуры к другой.

Необходима выработка единых образовательных, экономических, политических и других мер, расчищающих место новой культуре.

К сожалению, этот призыв проигнорировали все, к кому он был непосредственно обращен. Мир охватил пожар Второй мировой войны. Все диагнозы и предупреждения Сорокина остались «гласом вопиющего в пустыне».

Чтобы не поддаваться депрессивным настроениям, Сорокин старается как можно больше загрузить себя научной работой. Теперь свой острый ум и гневное перо он направил на главных виновников разыгравшейся катастрофы — власть имущих. Вместе со своим бывшим студентом Сорокин пишет книгу «Власть и мораль» (1959), в которой задается вопросом: может ли жизнь миллионов людей земли зависеть в наш ядерный век от воли и желания, знания и некомпетентности, злой или доброй воли всего нескольких лиц — «магнатов власти»? Ответ однозначный — нет, не может, ибо «нынешние правящие элиты, группы не обладают минимумом интеллектуальных, моральных и социальных квалификаций, необходимых для решения этих гигантских и тревожных задач».

Решение этих задач требует:

1) заменить «правительства политиканов» правительствами «ученых, святых и мудрецов»;

2) создать условия, в которых существование национальной власти, правительств будет зависеть от желания универсального и тотального разоружения;

3) заменить большинство ходячих «племенных» политических идеологий новыми, общечеловеческими;

4) обеспечить мобилизацию и объединение всех творческих сил человечества, его ума, сердца и высшего сознания для построения лучшего порядка человеческого существования.

После выхода книги Сорокин надписал и разослал экземпляры президенту Эйзенхауэру, первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву, многим сенаторам и конгрессменам Соединенных Штатов. Учитывая тот малоприятный портрет власти, который был выведен в книге, Сорокин был готов к самой агрессивной реакции. Но вскоре, к великому удивлению автора, он стал получать письма с выражением глубокой признательности за ценный подарок. Вероятно, секретари политических боссов, не читая книги, формально исполнили свои обязанности. Просветительский эффект от данной акции оказался нулевым.

Но если власть имущие, к кому так настойчиво и неоднократно обращался Сорокин, не желали прислушиваться к «научному пророку», то среди филантропов и известнейших лидеров бизнеса США его идеи обрели благодатную почву и проросли причудливым растением под названием «Гарвардский исследовательский центр по созидающему альтруизму».

Еще зимой 1946 года Сорокин получил письмо от прежде незнакомого ему человека. Автор писал, что, ознакомившись с трудами профессора, понял — вот один из немногих современных ученых, способных плодотворно исследовать проблемы нравственного и интеллектуального обновления сегодняшнего растерянного и деморализованного мира. И предлагал чек на 20 тысяч долларов. Письмо было подписано — Э. Лилли.

Сорокин справился у своего секретаря, кто этот странный и щедрый человек. Им оказался глава крупнейшей фармацевтической корпорации и президент благотворительного фонда «Лилли Эндоумент» Эли Лилли.

Посоветовавшись с друзьями в Гарварде, Сорокин предложил Лилли оформить грант не на него, а на университет, дабы избежать бюрократических проволочек и драконовских налогов. Бизнесмен согласился, и уже в феврале 1949 года при университете был основан и приступил к работе специальный Центр. Директором новой структуры, естественно, стал Сорокин с полным контролем всех фондов.

Деятельность Центра была построена на нескольких фундаментальных предположениях Сорокина о кризисе совре-

менной «чувственной» суперсистемы. Во-первых, никакая демократия, никакие правительства не смогут политическими средствами обеспечить прочный внутренний и международный мир, если только в самих нациях не воскреснет альтруизация отдельных личностей, групп, институтов и культур. Бессильными перед кровавыми войнами, ненавистью и стяжательством оказались и образование, и наука, и религия. Самый научный, самый образованный XX век стал самым жестоким и деструктивным из предшествующих 25 веков греко-римской и европейской истории.

Второе предположение заключалось в том, что спасительная бескорыстная, созидательная любовь потенциально является источником огромной энергии, к сожалению, пока еще мало изученной, «настоящей Тайной — Великой и Завораживающей».

Центр поставил себе задачу проникнуть в эту святая святых, научиться добывать, аккумулировать ее и с ее помощью перделывать людей.

С первых шагов деятельности Центра ее директор развил кипучую деятельность. Стали проводиться конгрессы и симпозиумы, в том числе и международные, готовились и издавались книги. Привлекались к сотрудничеству видные деятели науки и культуры. Видя такой ажиотаж, Эли Лилли положил Сорокину еще 100 тысяч на 5 лет с ежегодной выплатой в 20 тысяч.

Результатом первого года работы Центра стали три книги: «Разработки в области альтруистской любви и альтруистского поведения: Сборник статей», «Восстановление гуманности» и «Альтруистская любовь».

В этих трудах была предпринята попытка описать и сформулировать рабочее определение бескорыстной и созидательной любви и выяснить, каково положение с изучением данной проблемы в современной науке.

Сорокин со своими коллегами раскрывают многомерную природу любви, которая имеет две формы — любовь эротическая и любовь как единство сердечности и телесности,

и рассматривает ее в физическом, биологическом, религиозном, этическом, психологическом и социологическом аспектах. Далее оговариваются количественные критерии любовной энергии — интенсивность, экстенсивность, продолжительность, сила, адекватность и их комбинации друг с другом.

Своим единомышленникам, видным психологам, биологам, математикам, культурологам и врачам Сорокин поручает исследование эмпирических проблем — биологические предпосылки кооперации и конфликта, философские и научные основы альтруизма и милосердия, психологические подходы к ненависти и любви.

Далее Центр перешел к изучению факторов и техники морального воспитания и перевоспитания человека. Здесь Сорокин решил обратиться к опыту мировых религиозных систем — буддизму, дзэн-буддизму, йоге, суфизму и православному христианству. После тщательного анализа Центр пришел к выводу, что наиболее эффективными техниками моральной трансформации человека являются старинные техники дзэн-буддизма и йоги из арсеналов монашеских орденов.

Не ограничиваясь чисто теоретическим анализом, в Центре пытались проводить экспериментальные испытания по выявлению наиболее эффективных техник в различных социокультурных условиях. Подбирались пары студентов-добровольцев, испытывающих острую неприязнь и даже откровенную ненависть друг к другу. И на протяжении трех месяцев применялась какая-нибудь методика — например, методика совместных «добрых дел» или сотрудничества. Враги приглашали друг друга на обеды, ужины, совершали совместные походы на танцы, в кино, а главное — вместе участвовали в общественно полезном труде. В результате такого контакта у неприятелей вражда часто сменялась симпатией.

Такими способами были изучены и опробованы около 30 различных техник альтруистической трансформации лю-

дей и групп. Результаты исследования Сорокин изложил в своей новой книге «Виды любви и ее силы: типы, факторы и технические приемы нравственного перевоплощения», увидевшей свет в 1954 году.

Выступая в этом же году на организованном Центром симпозиуме, Сорокин заявлял, что считает доказанными следующие положения.

1. Бескорыстная, созидающая любовь — это сила, способная остановить агрессивные межличностные, межгрупповые и международные конфликты и превратить враждебные отношения в дружеские.

2. Любовь вызывает любовь, а ненависть рождает ненависть.

3. Бескорыстная и мудрая (адекватная) любовь является жизненной силой, необходимой для физического, умственного и нравственного здоровья. Альтруисты в целом живут дольше эгоистов.

Многие давние и непримиримые оппоненты Сорокина издевались над деятельностью Центра, считая такой проект первым претендентом на премию «Золотого Руна». Эту «премию» ежегодно вручает сенатор Вильям Проксмайер за самое глупое, ненаучное и бесполезное исследование, на которое впустую расходуются деньги налогоплательщиков. Но поскольку Сорокин «поверил алгеброй» любовь на личные жертвования воротилы бизнеса Лилли, а не за счет фондов Американского научного сообщества, то ему не было суждено стать обладателем «Золотого Руна».

А пока оппоненты и просто завистники язвили на его счет, Сорокин направил все усилия Центра на раскрытие другой Великой Тайны — почему происходит альтруистское перевоплощение личности. Исследователи провели детальный анализ этого процесса на примере жизни великих апостолов бескорыстной любви — Будды, Иисуса, св. Франциска Ассизского, Ганди и многих других.

Результаты показали, что, оказывается, существуют три типа альтруистов.

1. *Прирожденные* — изначально обладающие целостной системой личностных качеств и ценностей. Такие люди тихо и естественно наращивают свой альтруистический потенциал без влияния каких-либо катастрофических событий или резких перемен в жизни.

2. *Обращенные* — их жизнь резко делится на два периода — доальтруистский и альтруистский. Переход происходит под воздействием личной или общественной катастрофы, протекает очень болезненно и длится от нескольких месяцев до нескольких лет. Такими были Будда и св. Франциск Ассизский.

3. *Смешанный тип* — несет в себе черты как прирожденных, так и обращенных альтруистов. К этому типу можно отнести Ганди и Шри Рамакришну.

Опираясь на полученные данные о типах альтруистов, Сорокин поднимает вопрос о *законе поляризации*, который он сформулировал еще в своей работе «Человек и общество в эпоху бедствий» (1941). Этим законом он опровергает фрейдовское предположение, что бедствия и страдания непременно рождают агрессивность, и старое убеждение, что болезненные катаклизмы ведут к нравственному и духовному облагораживанию людей. Сорокинский закон поляризации гласит: люди реагируют и преодолевают фрустрацию и невзгоды в зависимости от типа личности. Либо нравственно мужают и проявляют чудеса творчества и альтруизма (позитивная поляризация), либо деградируют, звереют, впадают в цинизм и самовозвеличивание (негативная поляризация).

Сорокин также пересмотрел господствующие ранее теории структуры личности и личностной интеграции. Вместо бытующего представления о ментальной структуре человека как двухслойного пирога — бессознательное (подсознательное) и сознательное (рациональное) — Сорокин сконструировал структурную схему личности, которая скорее напоминает кошелек с четырьмя отделениями:

1) *биологически бессознательное* (инстинкты, рефлексy);

2) *биологическое сознание* (представления, воображение);

3) *социокультурное сознание* (информация, которую мы получаем в семье, трудовом коллективе, партии, науке);

4) *сверхсознание* (осмысление интергальных связей бытия, мира в целом).

Именно сверхсознание Сорокин считает основным источником всех величайших достижений во всех отраслях культуры — от науки и изящных искусств до религии и этики.

Сверхсознание также является необходимым условием для того, чтобы стать «гением альтруистической любви».

Решая такие глобальные задачи, Центр на первых порах всколыхнул всю академическую среду Соединенных Штатов. Сорокину удалось на некоторое время увлечь за собой довольно известных людей: деканов ряда американских университетов, конструктора Игоря Сикорского, биолога Л. фон Бертоланфи, философа Э. Фромма, культуролога Ф. Нортропа, сенатора Р. Фландера, психолога А. Маслова и других. Стали создаваться новые научные общества исследования альтруизма, проводились научные конференции, печатались книги. Сам Сорокин за время своей деятельности в Центре подготовил и выпустил 13 изданий, которые привлекли внимание всего мира и были переведены более чем на 20 языков.

Но к 1959 году средства, выделенные Центру Эли Лилли, иссякли, а с ними постепенно стала затухать и деятельность сподвижников Сорокина. В конце концов адепт бескорыстной любви остался в гордом одиночестве. Оказалось, что альтруистическая любовь — не такой уж ходовой товар, и для его постоянного воспроизведения требуются регулярные финансовые инвестиции.

«Господствующий во всем мире климат нетерпимости и вражды между людьми из-за личного и группового эгоизма оказался совершенно непригодным для возделывания прекрасного сада бескорыстной, созидающей любви», — с горечью констатировал главный «садовник».

В этом же году Сорокин покидает Гарвард, где он уже с 1955 года был освобожден от преподавательской деятельности и числился только как директор исследовательского центра по созидающему альтруизму.

ПОЧЕТНЫЙ ПРОФЕССОР В ОТСТАВКЕ

После 30-летней кипучей деятельности Сорокин становится почетным профессором в отставке. Для многих профессоров отставка действительно означала конец и научной, и педагогической деятельности, конец творческой жизни, за которыми их поджидали старость и смерть. Но только не для Сорокина.

«Наверное, я принадлежу к той разновидности ученых, которую называю „волками-одиночками“. Такие люди при необходимости могут сами без помощи персонала и научных сотрудников, а также без финансирования делать свою работу»,

— говорил о себе заслуженный пенсионер.

Хотя и без прежней интенсивности, Сорокин продолжил свои изыскания в области социологии. За период с 1959 по 1967 год им было опубликовано 14 статей и 2 книги. Одна — автобиография «Дальняя дорога» (1963), вторая — исторический обзор социологии и философии истории «Социологическая история сегодня» (1966).

Сорокин вынашивал планы по созданию итогового фундаментального труда под названием «Социология моральных явлений и ценностей», в которой планировалось обобщить итоги десятилетней работы Центра в единой схеме. Но эта работа так и не была написана. Сказывался возраст. Кроме того, она постоянно прерывалась подготовкой к различным национальным и международным научным конференциям.

Так, в 1960 году Сорокин, после настойчивых уговоров, дал согласие на участие в XIX Международном социологи-

ческом конгрессе в Мехико. Почетный профессор Гарварда в отставке своим докладом по поводу «Взаимной конвергенции Соединенных Штатов и СССР на пути к обществу смешанного социокультурного типа» произвел на конгрессе настоящий фурор. Речь была сразу же переведена на немецкий, испанский и русский языки. Последнее стало заслугой эмигрантского нью-йоркского журнала «Независимая Россия».

В этом очерке Сорокин выступал сторонником мирного существования и сближения двух систем — капиталистической и социалистической, доказывая, что ни та, ни другая не являются «Эдемом на земле». Он призывал страны объединяться для решения объективно общих проблем — экологии, разоружения и создания новой системы ценностей.

Волны, вызванные этим выступлением, докатились и до исторической родины докладчика. После почти 40-летнего забвения о блудном сыне снова заговорили, но, к сожалению, не как об ученом, а как об идеологическом противнике. В докладе Сорокина блюстители социалистических ценностей усмотрели только злой умысел и нападки на «лучшую в мире советскую действительность». Позитивный и даже спасительный смысл конвергенции в условиях смертельных игр «холодной войны» видел, пропагандировал и открыто защищал в СССР только академик Андрей Сахаров.

А массовая советская печать в едином порыве ударила в идеологические барабаны, клеймя и осмеивая бывшего контрреволюционера, спрятавшегося от праведного суда за спиной империалистической гидры:

«Кто помнит сегодня Питирима Сорокина, которому в 1918 году В. И. Ленин посвятил одну из своих статей — „Ценные признания Питирима Сорокина?“ — вопрошала «Литературная газета» (№ 88, 1963). — И что осталось от обширных якобы „социологических“ исследований этого псевдомыслителя из лагеря отъявленных революционеров, „дипломированных лакеев поповщины“?..» — И отвечала: и самого «мыслителя, и его труды время обрекло на забве-

ние. И вдруг, словно призрак из потустороннего мира, Питирим Сорокин напомнил о себе».

В «Правде Украины» без обиняков резали правду-матку: модель Сорокина «на все вкусы годна, милая и сердцу капиталиста, приятная и для демократа, и для фашиста, для атеиста и для попа, для колонизатора и для колониального раба, для куклусклановца и для линчуемого негра...»

Но главная отповедь «заокеанскому мыслителю» была дана земляками Сорокина от лица писателя Серафима Попова, который на страницах сыктывкарской газеты разразился статьей «Нам не по пути, мистер Питирим Сорокин». «Вы были единственный во всем селе Жешарт, кому удалось до революции получить образование, — напоминает автор почетному профессору Гарварда. — А сегодня гулом могучих машин поет Коми земля. Через тайгу и болота прокладываются дороги, сияют электрическими огнями города и села... Коми народ расправил плечи, обрел счастье по-человечески жить и вдохновенно трудиться... На этот подвиг ведет нас Коммунистическая партия, для которой забота о счастье человека превыше всего».

Если бы Сорокину довелось читать эти разоблачения, отповеди и проклятия, он бы понял, что на родине мало что изменилось, что по-прежнему там правят балом пресмыкающиеся невежды.

Но до Сорокина доходили совсем другие голоса. В 1962 году на V Всемирном конгрессе социологических ассоциаций, проходившем в Вашингтоне, Сорокин впервые за долгие годы встретился с делегацией советских социологов.

«Они с волнением ждали случая познакомиться со мной, а я в не меньшей степени был заинтересован во встрече с ними. Поэтому мы несколько раз собирались вместе, пока шел конгресс, и позже пятеро из них обедали у нас дома в Винчестере. Наши встречи проходили дружески, а беседы носили весьма откровенный характер», — вспоминал Сорокин.

Его неоднократно приглашали посетить Россию приезжающие в США советские социологи, но когда дело доходило

до оформления официального приглашения, оно стопорилось в верхних структурах власти. Да и американская сторона не горела желанием отпускать Сорокина на Родину, Когда летом 1962 года президент Всемирного совета мира Джон Бернал пригласил профессора в качестве гостя на Всемирный конгресс «За всеобщее разоружение и мир» в Москву, то госсекретарь Дин Раск, который, как и Кеннеди, слушал лекции Сорокина в Гарварде, прислал ему официальное письмо с рекомендацией не принимать приглашения.

73-летнему профессору уже было не по силам ввязываться в политическую интригу столь высокого ранга, поэтому Сорокиным так и не удалось перед смертью побывать на родине.

Оставаясь в стороне от политических баталий, Сорокин все чаще и чаще стал принимать предложения со стороны многочисленных американских университетов почитать лекции по различным проблемам. В этот период жизни он сам себя называл «странствующий лектор».

Вместе со своей женой престарелый профессор объехал практически все вузы Новой Англии, Калифорнии, Джорджии, Вирджинии, Флориды. Слухи об интересных лекциях приглашенного профессора распространялись быстро. Только за 1962 год Сорокин получил около 30 приглашений.

Колеса по широким хайвэям своей новой родины на прекрасном автомобиле, Сорокин вспоминал детство, когда он ходил от деревни к деревне дремучего Коми края, занимаясь ремеслом, которым владел в совершенстве.

По признанию многочисленных коллег, Сорокин-лектор был «несравненный актер». Русский акцент, от которого профессор так и не избавился, лишь увеличивал картинность и красочность его речи. Он чутко реагировал на любые реакции зала, всегда был готов к импровизации. Один случай, произошедший с заслуженным профессором социологии в университете Пенсильвания, стал притчей во языцех в студенческой среде. Лекция проходила в здании физического факультета. Перед амфитеатром, где расположился оратор,

стоял длинный стол с несколькими подведенными к нему водопроводными кранами. Находясь в прекрасном расположении духа после веселого обеда в кругу университетских педагогов, Сорокин принялся громить теории Зигмунда Фрейда. Профессор так распалился, низвергая родоначальника психоанализа, что нечаянно задел рукой один из кранов. Аудиторию огласило грозное шипение и пронзительный свист.

«Замолчи, Зигмунд! Держи в руках свое либидо!» — незамедлительно отреагировал Сорокин и с явным наслаждением затянул ручку крана до упора. Аудитория взорвалась смехом и аплодисментами приветствовала находчивого оратора.

Кроме вузов, Сорокина часто приглашали на званые обеды различные организации, связанные с искусством, религией и культурной деятельностью. На одном из таких обедов Сорокин познакомился и сдружился с Олдосом Хаксли, известным писателем-антиутопистом.

Под конец жизни у Сорокина образовалась обширная переписка с корреспондентами с разных концов света, на которую он тратил значительную часть своего времени. Ему писали выдающиеся мыслители, литераторы, бизнесмены, государственные, религиозные и культурные деятели.

Эта переписка помогала ему постоянно находиться в курсе всех основных течений современной мысли и «потайных пружин» исторического процесса. Но, постоянно держа руку на пульсе времени, Сорокин не находил в его учащенном биении ничего утешительного. Наоборот, под закат жизни пессимистические настроения социолога только сгущались. Его прогнозы становились все страшнее и категоричнее. Иногда самообладание покидало Сорокина, и он срывался на отчаянный крик:

«Опомнитесь, люди! Сама судьба человечества балансирует на грани жизни и смерти. Силы уходящего в прошлое жестокого и несправедливого социального порядка яростно сметают все, что ему противостоит. Во имя Бога, во имя ценностей прогресса и цивилизации, капитализма и коммунизма, демократии и свободы, во имя человеческого достоин-

ства и под другими лозунгами они разрушают до основания сами эти ценности, убивая миллионы людей, угрожая выживанию человека как вида, ведя дело к превращению нашей планеты в „мерзость запустения“».

Депрессивное состояние усугублялось «множащимися болячками брэнного тела». В 1967 году врачи поставили диагноз — рак легких, хронический бронхит и эмфизема.

Сорокину стало тяжело дышать. За последние 2 недели жизни он очень ослаб, дни и ночи проводил в кресле, лежать не мог — задыхался, но по комнате передвигался самостоятельно и до последнего момента сохранял ясность ума и твердость духа:

«Я благодарен всем силам, которые подарили мне великую привилегию совершить долгое жизненное путешествие, и не хотел бы иметь другое, исправленное издание жизни, если бы Оно было возможно».

Скончался Питирим Сорокин 10 февраля 1968 года в возрасте 79 лет.

Его обширный архив и библиотеку приобрел Саскачеванский университет (Канада), где был создан Центр Сорокина, который стал проводить «Сорокинские чтения» и изучать его наследие. Была введена премия имени П. Сорокина, которой в США теперь награждаются авторы лучших теоретических работ в области социологии.

В «Гарвардской университетской газете» был опубликован некролог, подписанный группой ведущих американских социологов — Д. Хомансом, Т. Парсонсом, Ф. Тейлором, Р. Уайтом, Р. Белсом: «Сорокин был колоритным человеком весьма колоритной карьеры. Его долгое руководство факультетом социологии, в сочетании с книгами 20-х годов, способствовали воспитанию плеяды выдающихся исследователей. Хотя факультет был небольшой, его интеллектуальное влияние было неимоверно сильным. Сам глава факультета был противоречивой фигурой и постоянно занимался созданными или обнаруженными противоречиями... По мнению многих его студентов и коллег, влияние Сорокина было в подав-

ляющем случае творческим и позитивно стимулирующим... Его взгляды на общество своего времени были по преимуществу негативными и пессимистическими, начиная с острого антагонизма к коммунистическому режиму в России и заканчивая западным миром также. Спасение мира он видел в альтруистической любви. Этот взгляд частично возник у него под влиянием Льва Толстого, любовь к России была постоянной в течение всей жизни. Его влияние на социальные науки через его книги и преподавание будут необычайными».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оптимистические предсказания ведущих американских социологов по поводу влияния деятельности Питирима Александровича Сорокина на социальные науки оказались не просто словами, сказанными в дань уважения ушедшему коллеге. На Международном научном симпозиуме, посвященном 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина (февраль 1999 года), учеными было высказано предположение о грядущем в XXI веке «сорокинском ренессансе», «так как в его творчестве гармоничным образом соединились высочайший, профессионализм и истинный гуманизм, мудрая объясняющая теория и действенный технологизм, безупречные нравственные стандарты и покоряющая мощь интеллекта».

Очевидно, что в настоящее время интерес к творчеству Питирима Сорокина как со стороны западных, так и со стороны российских социологов значительно возрос. Связано это прежде всего с тем, что время подтвердило истинность его предсказаний и прогнозов.

Сейчас, например, уже трудно отыскать принципиальные различия в экономическом, социальном и политическом строе, научных, религиозных, идеологических взглядах между Россией и США, что полностью соответствует сорокинской теории о конвергенции двух этих держав. Однако и этот процесс

имеет свои темные стороны: Россия в порыве отказа от социалистической идеологии и экономики, быстро и кардинально поменяв ее на принципы и методы «капиталистической» экономики, приобрела так называемый «дикий капитализм» со всеми его отрицательными сторонами, разрушив таким образом большинство былых позитивных завоеваний и преимуществ и накопив большинство негативных сторон «заимствованной» системы. Зато наблюдается все более усиливающаяся тенденция к сокращению теперь уже экономической «пропасти» между США и Россией, а также постепенное уравнивание сил в отношении лидерства в значительной части геополитического и геоэкономического пространства.

Российский социолог Ю. В. Яковец в отношении прогноза Питирима Сорокина о сдвиге творческого лидерства с Запада на Восток пишет следующее: «Россия стоит, пожалуй, перед одной из самых трагических альтернатив за свою тысячелетнюю историю: распада некогда великой локальной цивилизации и превращения в „этнографический человеческий материал“ для других, более активных и агрессивных цивилизаций, — или возрождения на базе нового социокультурного строя, наследственный потенциал для которого еще не исчерпан».

И все же в целом Россия преодолела самый критический момент, и теперь следует ожидать поворота в сторону возрождения, так как наблюдаемая общая картина «суперорганического мира» России включает процессы «фильтрации» как западного культурного наследия, так и «советско-российского», причем происходит накапливание позитивных элементов того и другого. Хотя, конечно, сейчас нельзя еще говорить о том, что опасность миновала, и что в случае очередного экономического кризиса Россия не откатится назад.

Также необходимо отметить, что силы положительной религиозной и моральной поляризации в российском обществе постепенно усиливаются: возросло число искренне верующих, прорастают, пока слабые, ростки нового движения в сторону толерантности, воспитания доброты, возрождения

нравственности. Естественно, пока еще доминируют силы негативной поляризации, но этот факт лишь подтверждает отмеченную Питиримом Сорокиным закономерность о превалировании негативной поляризации в начальные периоды кризисов.

Особенно значимым для существующей сейчас ситуации в России является положение Сорокина о том, что только глобальная ценностная переориентация внутри самого общества может стать гарантом его стабилизации, дальнейшего развития и процветания.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

- 1889, 23 января** — Питирим Александрович Сорокин родился в селе Турья Вологодской губернии в семье бродячего церковного ремесленника-реставратора.
- 1902–1904** — учеба в Гамской второклассной школе.
- 1904–1906** — учеба в Хреновской церковно-учительской школе, вступление в партию эсеров.
- 1906–1907** — первый арест за революционную деятельность и четырехмесячное заключение в тюрьме города Кинишма.
- 1907** — нелегальная работа агитатором в Иваново-Вознесенске, переезд в Санкт-Петербург.
- 1908–1909** — обучение на бесплатных Черняевских курсах в Санкт-Петербурге, сдача экзаменов экстерном за 8 лет обучения в мужской гимназии Великого Устюга.
- 1909–1911** — учеба в Санкт-Петербургском Психоневрологическом институте, участие в студенческих беспорядках, поездка за границу.
- 1911–1914** — учеба в Санкт-Петербургском университете.
- 1914–1916** — подготовка к профессорству, чтение лекций в университете и Психоневрологическом институте, сдача устного магистерского экзамена.
- 1917** — работа приват-доцентом в Петроградском университете; женитьба на Елене Петровне Баратынской, редактирование эсеровской газеты «Воля народа»; участие в подготовке 1-го Всероссийского Съезда крестьян.
- 1918–1919** — участие в подготовке контрреволюционного мятежа в Архангельской губернии, добровольная сдача в ЧК.
- 1919–1922** — научно-преподавательская деятельность в Петроградском университете, Психоневрологическом, Социологическом и Сельскохозяйственном институтах; публикация двухтомника «*Система социологии*»; защита докторской диссертации; эмиграция.
- 1923** — чтение лекций в Пражском университете, переезд в США.
- 1924–1930** — преподавательская деятельность в университете штата Миннесота, публикация книг «*Страницы русского дневника*» (1924), «*Социология революции*» (1925), «*Социальная мобильность*» (1927), «*Современные социологические теории*» (1928), «*Принципы сельской и городской социологии*» (в соавторстве с К. Циммерманом,

- 1929) и первые три тома *«Систематической хрестоматии сельской социологии»* (в соавторстве с К. Циммерманом и Ч. Гэлпиным, 1929).
- 1930—1942** — работа деканом факультета социологии в Гарварде, создание четырехтомного труда *«Социальная и культурная динамика»*, появление на свет двух сыновей.
- 1942—1949** — преподавание в Гарвардском университете, публикация книг *«Человек и общество в опасности»* (1942), *«Россия и Соединенные Штаты»* (1944), *«Реконструкция человечества»* (1948).
- 1949—1959** — создание Гарвардского исследовательского центра по создающему альтруизму; публикация книг *«Социальная философия в век кризиса»* (1950), *«Альтруистическая любовь»* (1950), *«Изыскания в области альтруистической любви и поведения»* (1950), *«Пути и власть любви»* (1954), *«Виды любви и ее сила»* (1954), *«Причуды и недостатки социологии и смежных наук»* (1956), *«Американская сексуальная революция»* (1957), *«Власть и нравственность»* (1959).
- 1959—1968** — почетный профессор Гарварда в отставке; публикация книг *«Взаимная конвергенция США и СССР в направлении смешанного социокультурного типа»* (1961), *«Дальняя дорога»* (1963), *«Основные тенденции нашего времени»* (1964) и *«Социологические теории сегодня»* (1966).
- 1968, 11 февраля** — Питирим Сорокин умер в своем доме на Клифф-стрит в Винчестере в возрасте 79 лет.

ЛИТЕРАТУРА

- Сорокин П. А.* Главные тенденции нашего времени. М., 1997.
- Сорокин П. А.* Дальняя дорога. М.: ТЕРРА, 1992.
- Сорокин П. А.* Духовный облик М. М. Ковалевского как мыслителя // СОЦИСС. 1989. № 3.
- Сорокин П. А.* Забытый фактор войны // СОЦИСС. 1999. № 11.
- Сорокин П. А.* Заметки социолога: Социологическая публицистика. СПб., 2000.
- Сорокин П. А.* Историческая необходимость // СОЦИСС. 1989. № 6.
- Сорокин П. А.* Колонизационные вожделения // СОЦИСС. 1990. № 2.
- Сорокин П. А.* Моя философия — интегрализм // СОЦИСС. 1992. № 10.
- Сорокин П. А.* Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // СОЦИСС. 1998. № 12.
- Сорокин П. А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.
- Сорокин П. А.* Общие черты и различия между Россией и США // СОЦИСС. 1993. № 8.
- Сорокин П. А.* Системы социологии. Т 1—2. М., 1993.
- Сорокин П. А.* Социализм и социальное равенство // СОЦИСС. 2001. № 5.
- Сорокин П. А.* Социология вчера, сегодня и завтра // СОЦИСС. 1999. № 7.
- Сорокин П. А.* Таинственная энергия любви // СОЦИСС. 1991. № 8, 9.
- Сорокин П. А.* Условия и перспективы мира без войны // СОЦИСС. 1999. № 5.
- Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Бондаренко В. М.* Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени. К 110-й годовщине со дня рождения // СОЦИСС. 1999. № 7.
- Голосенко И. А.* Питирим Сорокин о внутренних нарушениях социального порядка // СОЦИСС. 2000. № 4.
- Голосенко И. А.* Питирим Сорокин: Судьба и труды. Сыктывкар, 1991.
- Голосенко И. А., Козловский В. В.* История русской социологии XIX—XX веков. М., 1995.
- Джеффрис В.* Интегрализм П. А. Сорокина: Новая общественная наука и реконструкция человечества // СОЦИСС. 1999. № 11.

Джонстон Б. В. Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени // СОЦИСС. 1999. № 6.

Дойков Ю. В. Эпистолярное наследие П. Сорокина (переписка с С. Харпером) // СОЦИСС. 1996. № 1.

Западная теоретическая социология / И. А. Громов и др. СПб., 1996.

Зверев В. М., Соболев В. С. Автографы Питирима Сорокина // СОЦИСС. 1989. № 2.

Липский А. В., Кротов П. П. Зырянский след в биографии Питирима Сорокина // СОЦИСС. 1990. № 2.

Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993.

Мертон Р. Фрагменты из воспоминаний // СОЦИСС. 1992. № 10.

Новикова С. С. История развития социологии в России: Учеб. пособие. М.; Воронеж, 1996.

Сапов В. В. «Зырянский проповедник» // СОЦИСС. 1991. № 8.

Сапов В. В. Высылка 1922 года: попытка осмысления // СОЦИСС. 1990. № 3.

Сапов В. В. Питирим Сорокин: моментальный снимок на фоне России и Америки // СОЦИСС. 1996. № 5.

Теория интерактивного общества П. Сорокина, альтернативы развития современной России и идеалы молодежи: Тезисы научной конференции. Уфа, 1997.

Яковец Ю. В. Великие прозрения Питирима Сорокина // СОЦИСС. 1999. № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЕЕ ДЕТСТВО.....	3
НАЧАЛО ЖИЗНЕННЫХ СТРАНСТВИЙ.....	8
ПЕРВЫЕ ШАГИ К ОБРАЗОВАНИЮ.....	11
ПЕРВЫЙ КРИЗИС И БУНТ.....	14
ПУТЬ В СТОЛИЦУ ИМПЕРИИ.....	19
ЖИЗНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТ.....	20
В ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ.....	25
УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ.....	27
ПОДГОТОВКА К ПРОФЕССОРСТВУ И УЧАСТИЕ В РЕВОЛЮЦИИ.....	32
КРИЗИС ДВОЕВЛАСТИЯ. БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ.....	36
КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	40
КАРЬЕРА «СОВЕТСКОГО ПРОФЕССОРА».....	46
ЭМИГРАНТ.....	55
ПЕРВЫЕ ШАГИ В НОВОМ СВЕТЕ.....	57
В УНИВЕРСИТЕТЕ ШТАТА МИННЕСОТА.....	59
ПРОФЕССОР ГАРВАРДА.....	67
ПОЧЕТНЫЙ ПРОФЕССОР В ОТСТАВКЕ.....	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	88
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА.....	91
ЛИТЕРАТУРА.....	93

Научно-популярное издание

Юрий Медведько

ПИТИРИМ СОРОКИН ЗА 90 МИНУТ

Ответственный редактор *О. Сабурова*
Художественное оформление *А. Филиппова*
Компьютерная верстка *Е. Сальниковой*
Технический редактор *М. Водолазова*
Корректор *Н. Натарова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953004 — научная и популярная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Сова»
195112, г. Санкт-Петербург, а/я № 51
E-mail: oosova@mail.wplus.net

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ООО «Типография ИПО профсоюзозов Профиздат»
109044, Москва, Крутицкий вал, 18